

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленію въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1898 г. II-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17-го Мая.

СОДЕРЖАНІЕ: Воспоминанія г. Ярона. — Новое распоряженіе. — О сценическомъ впечатлѣніи (окончаніе) Э. Фигэ. — Музыкальныя замѣтки. И. Кн—скаго. — Хроника театра и искусства. — Вечеръ въ «Оперномъ домѣ» (продолженіе). Ю. Д. Бьялева. — Сонъ Авдія Ивановича. Разсказъ А. А.

№ 20.

Плещева. — За-границей. — Провинц. лѣтопись. — Списокъ пьесъ. Объявленія.

Рисунки: La Martyre (3 рис.). Mlle Cent-Kilos

Юса Большого. Портреты: гг. Рутковскаго, Вишинскаго, Богданова, г-жъ М. Гальтовъ и Добротини.

Принимается подписка на 1898 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна на годъ . . . . . 6 р.
„ „ полгода . . . . . 4 „

Допускается разсрочка: 4 р. при подпискѣ и 2 рубля 1-го Юня.

1 іюня истекаетъ срокъ послѣдняго взноса, о чемъ контора доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ и покорнѣйше проситъ не задерживать взносовъ, во избѣжаніе перерыва.

С.-Петербургъ, 17-го мая.

Удивительная книга лежитъ предъ нами—«Воспоминанія о театрѣ» С. Г. Ярона. Не знаемъ, какой это Яронъ. Одинъ г. Яронъ отличался въ свое время курьезными статьями въ «Рус. Вѣстникѣ», гдѣ проводились взгляды, выраженные въ статьяхъ покойнаго Любимова «Противъ теченія», но съ необыкновенною развязностью и аллюрами «почти военнаго человѣка». Тотъ ли это Яронъ или другой—впрочемъ, неважно, но этотъ Яронъ, несомнѣнно, замѣчательнѣйшій изъ Яроновъ.

Книга содержитъ болѣе 400 страницъ, но можно съ увѣренностью сказать, что немного найдется страницъ, которыя не представляли бы состава преступленія, караемаго по 1039 и 1040 ст. ул. о наказ.

Г. Яронъ называетъ это «воспоминаніями о театрѣ» и такъ какъ онъ посвящаетъ книгу г. Соловцову, въ посвященіи именуетъ его «Николаемъ Николаевичемъ», а въ текстѣ рассказываетъ о томъ, что «Николай Николаевичъ» «gut gebaut», и сколько онъ, благодаря этому, побѣдилъ женскихъ сердецъ и какія именно—то изъ совокупности всего этого можно заключить, что читатель понимаетъ писателя, а писатель—читателя.

Повторяемъ: книга эта воистину замѣчательная. Читая ее, мы съ трудомъ вѣрили глазамъ. Въ книгѣ поименованы, по крайней мѣрѣ, сотни двѣ, находящихся въ живыхъ (не говоримъ уже о мертвыхъ, мирно въ гробѣ спящихъ), сценическихъ дѣятелей, причѣмъ выворочена на изнанку самая интимная сторона ихъ жизни. Такъ, напримѣръ, про одну писательницу-артистку (съ полнымъ наименованіемъ фамилии—это, вообще, обязательно) рассказано, какъ она, «вслѣдствіе ложнаго шага», поступила на сцену, какъ напилась до безчувствія въ маскарадѣ, и наконецъ, передается съ такимъ цинизмомъ эпизодъ ея отношеній къ Иванову-Козельскому, что мы не рѣшаемся даже въ анонимной формѣ воспроизвести его. О другой артисткѣ рассказывается, какъ она валялась пьяная. Объ артистахъ и артисткахъ передается, какъ они обирали, вымогательствовали, состояли на содержаніи, мошенничали, обыгрывали въ карты, и все это en toutes lettres... Рѣшительно, такой книги еще не видывала російская письменность!..

Какъ же это случилось? Тутъ много интереснаго для размышленія. Во первыхъ, если допустить, что г. Яронъ сообщаетъ исключительно достовѣрные факты,—то театральная среда до такой степени ужасна, что изъ нея бѣжать надо безъ оглядки. Мы не хотимъ этому вѣрить, но если бы даже это

было и такъ, то оно не даетъ права никому, будь это самъ г. Яронъ, публиковать во всеобщее свѣдѣніе факты, не имѣющіе никакого общественнаго значенія, но касающіеся интимныхъ сторонъ человѣческой жизни.

Появленіе этой книги—печальный признакъ. Нѣтъ нужды объяснять, что появленіе такихъ памфлетовъ и пасквилей было бы немислимо относительно какой-нибудь другой общественной группы. Г. Яронъ, при всей очевидной невмѣняемости его пріятнаго литературнаго дарованія, никогда бы не осмѣлился разглашать во всеобщее свѣдѣніе, какъ напивались, скандалиничали и амурились его знакомые изъ другихъ общественныхъ сферъ. Но невозможное и немислимое для всѣхъ гражданъ, вообще, признается—«актерской шайки», какъ величали ихъ въ старину—и невозможное сопровождается даже «посвященіемъ» одному изъ видныхъ представителей театральной антрепризы. Ибо что такое актеръ, актриса? Отщепенцы общественнаго строя, особая рать вольныхъ людей, у которыхъ брань на вороту не виснетъ, и у которыхъ изъ ноздрей дымъ идетъ...

Вотъ что дѣйствительно ужасно. Казалось, что въ послѣднее время самосознаніе сценическихъ дѣятелей сдѣлало значительный шагъ впередъ, что пробудилось среди нихъ чувство человѣческаго достоинства и такъ сказать, обще-гражданской солидарности, что актеры стали уважать сами себя и пріобрѣтать уваженіе окружающихъ... И вдругъ эта книга—книга, написанная съ той манерой, съ какой пишутъ о Рокамболяхъ и Нинонъ-де-Ланкло, книга, не заключающая ни единой характеристики актера, какъ художника, но впитавшая въ себя всѣ сплетни, всѣ слухи, всю накипь актерской жизни, и посвященная знаменитому «Николаю Николаевичу», о которомъ говорится, что «я не встрѣчалъ ни одного, кто бы, какъ вы, съ такою преданностью и любовью относился къ этому дѣлу, вложивъ въ него всю свою душу и отдавъ ему всѣ свои силы и средства».

Dis moi que tu hantes et je te dirai qui tu es...

Газеты сообщили на-дняхъ, что послѣдовало распоряженіе, чтобы артисты и артистки всѣхъ труппъ Императорскихъ театровъ, получающіе окладъ менѣе 1200 р. въ годъ, были выпускаемы на выходы «для ансамбля». Т. е. иначе говоря эти «вторые» артисты будутъ въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнять статистовъ или по крайней мѣрѣ смѣшаны съ ними въ одну толпу. Кто знаетъ слабыя стороны сложныхъ постановокъ на нашихъ казенныхъ сценахъ, тотъ долженъ искренне порадоваться этому нововведенію. Безучастная толпа нанятыхъ статистовъ, въ такъ размахивающая руками, сообща шагающая по одному направленію и одновременно разѣвающая рты—такова картина «массовыхъ» сценъ. А какая пытка для режиссера хоть нѣсколько приспособить и оживить этотъ безучастный сбродъ наемщиковъ. Конечно, ничего подобнаго не можетъ быть, когда толпа составитъ изъ интеллигентныхъ, сценически опытныхъ артистовъ. Ровно ничего постыднаго и даже непріятнаго для нихъ въ этомъ нѣтъ. На лицо—славный примѣръ мейнингенцевъ, гдѣ въ каждой группѣ статистовъ—въ 4—5 человекъ—находился одинъ настоящій артистъ, подававшій имъ примѣръ и руководившій ихъ группировкой. Въ королевскомъ театрѣ въ Стокгольмѣ въ качествѣ статистовъ обязаны выступать ученики выпускныхъ классовъ мѣстнаго театрального училища, и это ведетъ къ прекраснымъ художествен-

нымъ результатамъ. Вообще принципъ полнаго равноправія въ дѣлѣ служенія искусству—прекрасный принципъ. Поэтому желательно еще расширеніе того правила, которое такъ разумно вводитъ теперь дирекція Императорскихъ театровъ. Если нѣтъ нужды включать исполнителей «первыхъ» ролей въ число лицъ, обязанныхъ при случаѣ выходить въ толпѣ, то необходимо обусловить ихъ участіе въ маленькихъ роляхъ, которые часто представляютъ большую цѣнность, какъ фонъ, гармонически отбѣняющій цѣлое. Теперь «первачи» неуклонно отказываются отъ «ансамблевыхъ» ролей, да режиссеръ и не дерзаетъ предложить имъ такія роли. Это необходимое условіе стройнаго ансамбля, возможно будетъ фактически выполнить только тогда, когда оно оффициально войдетъ въ артистическій контрактъ въ видѣ особаго дополнительнаго пункта.

О СЦЕНИЧЕСКОМЪ ВПЕЧАТЛѢНІИ

(Окончаніе *).

III.

Но все ли это? Это главное. Я утверждаю это и не уступлю ничего изъ сказаннаго. Но это еще не все. Есть еще другое, болѣе благородное, болѣе возвышенное, что примѣшивается или, лучше сказать, прибавляется ко всему, что я разобралъ до сихъ поръ и что у нѣкоторыхъ, впрочемъ, совершенно отсутствуетъ, у многихъ имѣетъ извѣстное значеніе колеблющейся силы и только у нѣкоторыхъ составляетъ почти главное, никогда, однако, не заполняя всей сущности сценическаго впечатлѣнія. Несчастіе ближняго возбуждаетъ смѣхъ, возбуждаетъ слезы и въ обоихъ случаяхъ доставляетъ удовольствіе. Безъ сомнѣнія. Но вѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, оно заставляетъ размышлять. Такимъ образомъ къ злобному удовольствію, которое намъ доставляетъ комедія, къ грустному удовольствію, доставляемому трагедіей, къ этимъ *mala gaudia mentis*, примѣшивается или прибавляется удовольствіе размышленія о несчастіяхъ человѣчества, причемъ видишь въ нихъ не только услажденіе глазъ, но и предметъ, возбуждающій идеи, дающій пищу уму. Такова другая точка зрѣнія. Удовольствіе, которое человекъ получаетъ въ сценическомъ изображеніи на сценѣ какъ комическаго или трагическаго характера, несчастія ближняго,—есть прежде всего злость; затѣмъ оно есть стремленіе къ истинѣ, и наконецъ, стремленіе къ размышленію надъ человѣческими дѣйствіями.

Стремленіе къ истинѣ! Шопенгауэръ всю свою жизнь доказывалъ, что истинная реальность—только несчастіе, опираясь на законъ достаточнаго основанія. Только страданіе позитивно, удовольствіе же есть не что иное, какъ удовлетвореніе требованія, которое есть страданіе. А отсюда вытекаетъ, что удовольствіе отрицательно, негативно.

Я знаю, что возражаютъ на это разсужденіе, которое я и самъ, впрочемъ, считаю неполнымъ. Тѣмъ не менѣе въ немъ много правды. Оно правильно;

* См. № 19.

оно почти истина съ точки зрѣнія здраваго смысла. Разсужденію не достаетъ только области эстетическихъ удовольствій, которыя не представляютъ удовлетворенія потребности, вызванной страданіемъ, но чистый родъ наслажденія, не требующаго страданія для проявленія, не исходящаго изъ страданій и слѣдовательно, представляющаго положительное удовольствіе, т. е. позитивное. Относительно наслажденій другого рода, теорія Шопенгауэра вполне пригодна. Въ ней можно признать истину, и притомъ общаго, универсальнаго характера.

Я думаю, что переступивъ возрастъ пятнадцати приблизительно лѣтъ, люди чувствуютъ ее. Они чувствуютъ, что въ мірѣ реально только несчастье, и что все остальное—или иллюзія, или удовлетворенная потребность, т. е. короткій отдыхъ отъ страданія. Они не отвергаютъ, правда, изображенія счастья въ области искусства, ибо знаютъ, что счастье правдоподобно, хотя истина относительна и какъ бы случайна; они не безъ удовольствія читаютъ „Пѣснь любви“ и „Пѣсню Пѣсень“; не безъ удовольствія слушаютъ и смотрятъ на сценѣ какую-нибудь любовную идиллію, но они не желаютъ, чтобы это долго тянулось. Ибо à la longue, эти изображенія кажутся ложными, или по крайней мѣрѣ не достаточно правдивыми.

Чѣмъ объясняется то явленіе, что достаточно сказать что-нибудь дурное о мужчинахъ, и даже о женщинахъ, чтобы прослыть человѣкомъ знающимъ жизнь? Во-первыхъ, это происходитъ отъ человѣческой злости—мы снова возвращаемся къ этому пункту—во-вторыхъ, и отъ того, что человѣкъ сознаетъ, что если онъ и добръ, онъ еще болѣе золъ, и что если альтруизмъ—истина, то еще большая истина—эгоизмъ. Точно также изображеніе счастливаго человѣчества слегка раздражаетъ читателя, какъ и всякое прикрашивание. Читатель не отрицаетъ явно, не возмущается, но легкое подозрѣніе въ шарлатанствѣ или протодушіи невольно закрадывается къ нему въ сердце.

Разумѣется, существуетъ множество отгѣнковъ. Человѣка раздражаетъ также исключительное и крайнее изображеніе несчастія. Онъ находитъ это фальшивымъ, и онъ правъ. Кромѣ того, онъ подозрѣваетъ здѣсь злость, а не одно только исканіе истины. Кромѣ того, онъ согласенъ допустить нѣкоторую фальшь въ оптимистическомъ смыслѣ, чтобы утѣшиться. „Ты льстѣшь мнѣ; но продолжай“—выраженіе, весьма свойственное человѣку, и человѣчество всегда говорило его тѣмъ, кто его забавлялъ. „Лгите, но не слишкомъ много, чтобы утѣшить меня“.

Сдѣлавъ всѣ эти необходимыя отступленія, мы должны признать, что человѣчество любитъ истину въ искусствѣ, и потому оно любитъ искусство печальное, печальное въ истинномъ смыслѣ этого слова, а я уже имѣлъ случай указать, что комедія печальнѣе трагедіи. Человѣчество любитъ въ искусствѣ дѣйствительность, представленную рѣзко, и самое идеалистическое искусство есть не болѣе, какъ нѣкоторая реальность, изображенная со всѣмъ могуществомъ генія.

Вотъ почему, оптимистическій театръ покажется ложью и ребячествомъ, напоминающими условность дѣтскаго театра.

Замѣтите, я говорю „оптимистическій“ театръ, а не „благородный“ или „великодушный“ театръ. Публика очень чувствительна къ поклоненію. Это другое дѣло. Поклоняться герою, то есть прекрасному представителю человѣчества, это всегда будетъ доставлять живое удовольствіе всѣмъ читателямъ романовъ, эпическихъ поэмъ и посѣтителямъ театра. Но не въ этомъ заключается фальшь. Человѣкъ пре-

красно сознаетъ, что одаренъ добрыми истинками и способенъ на подвиги мужества и великодушія. Онъ знаетъ, что можетъ одержать надъ собою побѣду и испытываетъ отъ этого неопредѣлимое удовольствіе.

И знаете почему? Мнѣ думается, что человѣкъ—существо, вскормленное борьбой. Только путемъ упорной, страшной борьбы онъ отвоевалъ свое мѣсто на землѣ, затѣмъ цивилизацію. А теперь, когда ему нѣтъ надобности въ такой упорной битвѣ (подъ словомъ „теперь“ я подразумеваю историческій періодъ), истиннѣе все же сохранился и человѣкъ стремится къ борьбѣ. И онъ борется съ самимъ собою, борется со своими страстями. Онъ испытываетъ безграничное удовольствіе побѣждать ихъ, укрощать, и на сцену снова выступаетъ прежній укротитель звѣрей. Испытываемое удовольствіе такъ сильно, что иногда человѣкъ борется изъ-за ничего „удовольствія ради“, именно потому, что это дѣйствительно удовольствіе. Мавія старѣющаго Корнелия заключалась въ томъ, чтобы изображать людей, направляющихъ свою волю противъ самихъ себя и дѣлать это безъ всякой пользы, не имѣя никакихъ обязанностей, а только изъ единственнаго желанія выказать ее. Это преувелчченіе, но не желѣпость. Такіе люди и теперь существуютъ и не имѣютъ ничего нечеловѣческаго; ибо это въ человѣческой природѣ. Таковы напримѣръ аскеты...

Такииъ образомъ, публика весьма дружелюбно относится къ пьесамъ великодушнымъ, но не къ оптимистическимъ, т. е. рисующимъ человѣчество счастливымъ, потому что такой театръ лживъ. И лучшимъ доказательствомъ его ложности—является его отсутствіе.

IV.

Замѣчу еще, что если люди предпочитаютъ театръ относительно печальный, то потому, что это единственный театръ, заставляющій размышлять. И даже если оптимистическій театръ правдивъ, онъ все же не будетъ привлекать публики.

Положимъ, человѣчество счастливо, и театръ изображаетъ его такииъ, какъ оно есть. Но въ такомъ случаѣ, къ чему изображать его? О чемъ размышлять? Въ какомъ смыслѣ, если ни въ чемъ не чувствуется недостатка? Прекрасное французское выраженіе „il n'y a rien à dire“—всего сказать—значитъ: „все хорошо!“ Потому что на самомъ дѣлѣ „ничего и говорить“, когда все идетъ хорошо. У счастливыхъ народовъ не можетъ быть исторій. Вотъ почему, она есть у всѣхъ народовъ. Счастье не нужно ни рассказывать, ни описывать, ни изображать, ни объяснять. Оно не даетъ матеріала ни для хроникера, ни для драматурга. Оно существуетъ и довольствуется тѣмъ, что существуетъ.

Счастливые люди—ибо такіе существуютъ—весьма любопытны для наблюденій. Они не занимаются ни литературой, ни философией, ни нравственностью, ни исторіей, ни социологіей, и удивляются, что находятъ люди, которые этимъ интересуются. Ибо всѣ эти вещи, увы, представляютъ только различныя формы исканія счастья. У нихъ оно есть, и они сбивы съ толку тѣмъ, что другіе только пытаются завоевать его. Если бы литература взялась описывать и анализировать этихъ людей, то прежде всего оказалось бы, что это значитъ приняться за описаніе случайнаго; за тѣмъ смутно, безсознательно станутъ спрашивать себя, къ чему послужитъ изображеніе людей, которые уже нашли, а не тѣхъ, которые ищутъ; прпшедшихъ къ цѣли, а не тѣхъ, которые еще идутъ. Для того, чтобы намѣтить цѣль,

Допустимъ, но изображать цѣль едва ли къ чему-нибудь послужитъ. На пути нмѣются препятствія, и препятствія эти—наши страсти, наши заблужденія, наши глупости, наши галлюцинаціи, наши пороки (сюжеты для трагедій), и наши ошибки, наши недостатки, наши смѣшныя стороны,—сюжеты для комедій; только эти задачи даютъ поподъ къ размышленію, заставляють думать, и онѣ-то составляютъ содержаніе театра.

Объ этомъ не думаютъ, потому что въ театрѣ приходятъ для забавы, и только для забавы. Это безспорно. Но ошибочно думать, что входя въ театръ, мы оставляемъ за дверями существо, которое въ насъ думаетъ, размышляетъ, занимается размышленіемъ великихъ проблемъ человѣчества, и что въ кресло опускается только существо, желатющее забавляться. Два существа спятъ вмѣстѣ на одномъ театральномъ креслѣ.

Мы приводимъ съ собою всю нашу особу, цѣлкомъ. Авторъ успѣетъ въ своемъ намѣреніи только тогда, если онъ удержитъ насъ цѣлкомъ, если забавляясь шутками или поддаваясь сентиментальнымъ сожалѣніямъ, мы будемъ вполнѣ захвачены, хотя бы и бессознательно; если мы совершенно отдадимся этому чувству и поймемъ, что за этимъ небольшимъ представленіемъ скрывается нѣчто большее и значительное, какъ сама жизнь.

Вотъ почему мы такъ взволнованы и подавлены, когда смотримъ „Полювикта“, „Аталію“, „Короля Лира“, „Отелло“, „Мизантропа“ и пр. Если я ставлю „Свадьбу Фигаро“ много ниже перечисленныхъ пьесъ, то потому, что на этомъ представленіи я забавляюсь, но не чувствую въ зрителѣ человѣка, живущаго во мнѣ, или по крайней мѣрѣ человѣка, интересующагося судьбою, счастьемъ и несчастьемъ, бѣдствіями и надеждами мнѣ подобнаго.

Увы, здѣсь, на землѣ, для насъ нѣтъ ничего болѣе важнаго, чѣмъ то, что отдаляетъ отъ счастья,—ничего болѣе серьезнаго, какъ страданія и печали, и нѣтъ предмета, болѣе достойнаго нашего размышленія, чѣмъ зрѣлище страстей и обстоительствъ, мѣшающихъ нашему счастью. Что же удивительнаго, что театральныя представленія сводятся, съ одной стороны, къ изображенію нашихъ глупостей, съ другой—къ изображенію нашихъ несчастій, и потому оно всегда печально, даже когда оно повидимому, весело, и весьма печально, когда оно къ этому стремится. Однимъ словомъ, оно печально всегда, разъ оно не поверхностно. Немного жестокости или злости; нѣкоторая привязанность къ истинѣ; внутренняя, въ глубинѣ сокрытая, забота о серьезныхъ предметахъ и вопросахъ жизни—вотъ что зритель приносить въ театръ и что заставляетъ театръ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, быть картиной человѣческихъ страданій. Театръ долженъ быть такимъ для того, чтобы стоять прочно, чтобы продолжать свое существованіе, чтобы имѣть значеніе, чтобы быть чѣмъ-нибудь. Еще Петрарка сказалъ: „Null'altro che pianto al mondo dura“, т. е. только горе въ этомъ мѣрѣ—длиннеея явленіе...

Э. Фагэ.

Музыкальныя замѣтки.

Положеніе русскаго опернаго композитора неистинно незавидное. Подчасъ легче верблюда пройти чрезъ игльное ушко, чѣмъ русскаго оперѣ увидѣть свѣтъ рампы. Известно, какой мучительный рядъ мытарствъ, злоключеній и униженій переживали у насъ даже такіе музыкальные колоссы, какъ Чайковскій и Рубинштейнъ, когда они добивались постановки своихъ произведеній на сценѣ. Но если таковы удѣлы родныхъ композиторовъ, даже пользующихся міровою славой, то легко вообразить, какія горькія испытанія выпадаютъ у насъ на долю композиторовъ съ менѣе громкими именами. О начинающихся авторахъ вовсе умалчиваемъ. Достоинно положительно изумленія, какъ это, при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, еще находятся у насъ самоотверженные фанатики музыкальнаго искусства, рѣшающіеся убить столько труда, времени, знаній и средствъ на столь неблагоприятное дѣло, завѣдомо сулящее лишь нравственныя терзанія, горькое разочарованіе и безсильное озлобленіе. И какалъ нужна несодолима потребность творчества, чтобы рѣшиться на такое добровольное подвижничество!

Въ послѣднее время на помощь нашимъ опернымъ композиторамъ явился превосходный придворный оркестръ, руководимый такимъ просвѣщеннымъ музыкальнымъ дѣльтелемъ, какъ баронъ К. К. Штакельбергъ. Благодаря этому, мы познакомились недавно съ цѣлымъ рядомъ сценъ и отрывковъ изъ оперы „Забава Пугачина“ извѣстнаго музыкальнаго критика М. М. Иванова. Кромѣ оркестра, подъ управленіемъ г. Варлиха, въ исполненіи отрывковъ принимали участіе хоръ и рядъ солистовъ, которые всѣ безъ исключеній отнеслись къ своей задачѣ съ рѣдкой добросовѣстностью и горячимъ сочувствіемъ. Такъ и чувствовалось, что всѣ исполнители, отъ перваго до послѣдняго, проникнуты сознаніемъ важности принятой ими на себя миссіи. И дѣйствительно, если результатомъ этого исполненія будетъ постановка оперы г. Иванова на нашей казенной сценѣ, то нравственная заслуга исполнителей передъ русскимъ музыкальнымъ искусствомъ, будетъ безусловно огромная, такъ какъ произведеніе г. Иванова имѣетъ всѣ права занять видное мѣсто въ нашей оперной литературѣ.

Въ оперѣ впечатлѣніе складывается подъ влияніемъ совокупнаго дѣйствія музыкальнаго и литературно-сценическаго элементовъ. Поэтому, по отрывкамъ, исполненнымъ на концертной астрадѣ, составить себѣ сужденіе о всей оперѣ невозможно. Мы можемъ лишь констатировать, что тѣ отрывки, съ которыми намъ пришлось познакомиться, обличаютъ въ авторѣ симпатичный талантъ, художественный темпераментъ и техническое мастерство. Усиѣхи современной музыки съ ея сложными задачами не чужды г. Иванову. Но, въ то же время, онъ далекъ отъ погони за экстравагантностью и оригинальничаньемъ, которые такъ неприятно поражаютъ въ произведеніяхъ большинства современныхъ композиторовъ. Руководимый здравымъ художественнымъ чутьемъ, г. Ивановъ на первомъ планѣ ставитъ мелодичность, не пренебрегая, однако, и другими музыкальными элементами. Настоящая сфера дарованій г. Иванова—вѣрный лиризмъ, изливающийся у него съ неподдѣльною искренностью, задумчивостью и изысканностью. Опера г. Иванова среди избранной публики, наодиничней залѣ Придворнаго оркестра, произвела самое благопріятное впечатлѣніе и даровитому композитору много ашпидировали. Остается лишь пожелать, чтобы произведеніе г. Иванова какъ можно скорѣе попало на нашу образцовую сцену.

* * *

Частной русскою оперѣ долго у насъ не везло. Обыкновенно за это дѣло брались въ Петербургѣ разные неудачники провинціальныхъ сценъ. Безъ артистическихъ силъ и стремленій, безъ матеріальныхъ средствъ, они скорѣ погибали жертвами общественнаго равнодушія, внушая глубокое недовѣріе къ частной оперной предпріимости. Въ эту зиму наше общество впервые познакомилось съ серьезною попыткой частнаго опернаго предпріятія. Изъ Москвы къ намъ пріѣхала труппа, содержимая извѣстными меценатами г. Мамонтовыми. Въ труппѣ оказались хорошія силы, дѣло поставлено было на серьезную ногу и хотя, при тѣхъ средствахъ, которыми располагала предпріимца, можно было требовать гораздо большаго, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, московская частная опера привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ настоящее время, на дѣло, къ намъ прибыло изъ провинціи новое оперное товарищество, подвизающееся въ „Аркадіи“, и еще болѣе разрушило то предубѣжденіе, которое, подъ влі-

янизмъ безпрестанныхъ разочарованій, сложилось у насъ о частныхъ оперныхъ антрепризахъ. Мы познакомились съ нѣлымъ рядомъ такихъ артистическихъ силъ, которыя могутъ сужить украшеніемъ любой сцены и своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу являють самыя искреннія симпатіи. Въ составъ товарищества входятъ артисты безспорно талантливые съ прекрасными голосовыми средствами, хорошею школою, сценическою опытностью и серьезнымъ стремленіемъ. Хоры многочисленны и хорошо дисциплинированы; постановка приличная, репертуаръ интересный. Все это даетъ товариществу право на особенное вниманіе публики.

Спектакли опернаго товарищества открылись "Демонъ" Рубинштейна. Въ заглавной роли выступилъ г. Макаковъ, пользовающийся въ провинціи нѣкоторою извѣстностью. У г. Макакова высокая баритонъ прелестнаго тембра. Распоряжается артистъ своими голосовыми средствами мастерски. Поетъ музыкально и съ увлеченіемъ. Сценическая игра безукоризненная. Единственный, хотя и существенный недостатокъ г. Макакова — картавость произношенія. Этотъ недостатокъ легко устранимъ и артисту, въ интересахъ эстетичности впечатлѣній, необходимо отъ него отрѣшиться какъ можно радикальнѣе. Сиподаза играть г. Агулинь, обладатель красиваго по тембру, но невыровненнаго во всѣхъ регистрахъ тенора. На сценѣ держится г. Агулинь прекрасно и въ общемъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Г. Тарасовъ въ роли Гулаза обнаружилъ мощный басъ, звучащій особенно хорошо въ низшемъ регистрѣ. Красивый basso cantante у г. Гагаенки. Роль Тамары исполнила г-жа Мелодистъ, безблѣзновѣстная и у насъ, въ Петербургѣ. У артистки лирическое сопрано выдающейся красоты. Фигурируетъ ова звукъ превосходно, но колоратура не отличается гибкостью.

Поставлена была опера красиво. Режиссеру слѣдуетъ лишь обратить вниманіе на свѣтовые эффекты, управляемые, очевидно, неумѣлою и неопытною рукою.

Во второй изъ видѣнныхъ нами оперъ "Евгеніи Онегинъ", малая нервенства принадлежитъ г-жѣ Тамаровой, которая въ роли Татьяны обнаружива првосходную школу и сценической опытъ. Ольгу иѣла г-жа Пржебылецкая, знакомая петербуржцамъ по концертной дѣятельности. Г-жа Пржебылецкая воспроизвела типъ Ольги жизненно и правдиво, а въ вокальномъ отношеніи была безукоризненна. Г. Макаковъ — изящный Онегинъ. Вышршныя номера своей партіи онъ сѣлъ горячо и съ блескомъ, вызвавъ единодушныя одобренія публики. Г. Агулинь роль Ленскаго исполнилъ осмысленно, но вокальная сторона не была свободна отъ погрѣшностей. Превосходный Гремми — г. Тарасовъ, который въ аріи 4 дѣйстви имѣлъ большой и вполне заслуженный успѣхъ.

Поставленъ былъ "Евгеній Онегинъ" для частной антрепризы весьма тщательно и даже роскошно. Единственнымъ пятномъ въ этомъ спектаклѣ былъ лишь оркестръ, который, подъ управленіемъ г. Эспозито, аккомпанировалъ силосъ громко, безъ всякихъ нюансовъ. Этотъ пробѣлъ слѣдуетъ отнести исключительно къ винѣ г. Эспозито, третьестепеннаго дирижера, лишеннаго всякихъ данныхъ для управленія оркестровою арміею и исполнителю на сценѣ. Дирижируетъ г. Эспозито всегда но клавирау-сцугу, взнахъ его наложки вастолько мншатиоренъ и неопредѣленъ, что уловить тактоныя дѣленія у него почти невозможно. Вступленія артистамъ, на сценѣ и оркестру онъ указываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и, вообще, дирижируетъ вазо, безжизненно и безцвѣтно. Зачѣмъ понадобился товариществу какой-то послѣдняго разбора италянскій дирижеръ, когда у насъ не мало талантливыхъ русскихъ дирижеровъ — неопытныхъ.

И. Ку-скій.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Вновь назначенный управляющій конторою московскихъ Императорскихъ театровъ полковникъ В. А. Теляковскій 11-го мая присутствовалъ въ первый разъ въ конторѣ, причемъ ему были представлены всѣ служажіе.

Москва. Открытія слѣдуютъ за открытіями. Въ послѣдovatельномъ порядкѣ открылись: Эрмитажъ. Дирекція Я. В. Щукіна. Оперетка. Открытіе 30 апрѣля. Составъ опереточной труппы пропозодній. Наибольшимъ успѣ-

хомъ пользуются г-жи Милюткина, Троицкая, Делоръ, г. Свѣтловъ, Дмитріевъ, Кубанскій. Режиссеромъ въсто выбышаго г. Вивьена приглашенъ М. Н. Дмитріевъ-11-го мая въ опереттѣ "Дочка рыцаря" выступила парижская знаменитость Симоитъ-Жанаръ. Сборы хорошиѣ.

Акваариумъ. Дирекція Г. Ш. Омона. Оперетка и кафе-концертъ въ театрѣ Олимпія. Садъ Чикаго, переименованный въ Акваариумъ, буквально пельзя узпать. Масса новыхъ построекъ, новая планировка всего сада. — новый театръ Олимпія, масса электрическихъ развоцвѣтныхъ лампочекъ, которыя освѣщаются всѣ постройки, сдѣлалъ свое дѣло — и садъ бываетъ каждый вечеръ, буквально переполненъ публикой. Открытіе послѣдовало 4-го мая старой опереткой "Корневильскіе колокола", а въ театрѣ Олимпія, дебютировала цѣлая армія разныхъ "Этуалей". На открытій сценѣ много интересныхъ похероя. Въ "Красномъ солнышнѣ" выступили С. А. Пазынь и К. К. Мосновскан, имѣвшіе солидный успѣхъ. Съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ партіи Фриделинъ новый для Москвы актеръ г. Эспе. Изъ старыхъ знакомыхъ очень нравятся публикѣ г-жи Рапсова, Чекалова и г-г. Швайнгъ, Зайцевъ, Бураковскій, Сѣверскій, Полтавцевъ. Режиссерская часть въ опытныхъ рукахъ Л. И. Леонидова-Гуляева. Канцелямейстеръ г. Гавриловъ. Въ великаго сомнѣнія, что дирекція сдѣлаетъ блестящія дѣла.

Фантазія. Дирекція г. Николаева-Соколовскаго. Комедія, фарсъ и одноактная оперетка. Открытіе 6-го мая. "Призваніе" драм. этюдъ. "Ножъ моей жены" и "Шерамуръ". Въ труппѣ много извѣстныхъ именъ, какъ г. Сабина-Дольская, Бурдина, г-г. Багунновъ, Ленковскій, Струйскій, Шмидтофъ, Блажевъ, Сабуровъ, Грѣховъ. Миѣ пришло бытъ на второмъ спектаклѣ; давали "Кокошу и Тотому", фарсъ театра Неметти и изъ всего состава и могу выдѣлнить только г. Сабурова, заразительно-весело сыгравшаго свою роль; остальные артисты чувствовали себя крайне неловко въ этомъ фарсѣ и только г. Сабуровъ чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ и заставлялъ публику хохотать до упаду. Сборы въ театрѣ неважныѣ.

Богородское (за Соколышками). Товарищество Р. Р. Вейхель. Открытіе 10 мая. "Ревизоръ". Недурной ансамбль. Наибольшій успѣхъ имѣли г-г. Волынаковъ-Городничій, Невольнъ-Хлестаковъ и г-жа Кварталова-Пальмина-Марья Антоновна. Сборъ почти полный. Съ 4-го іюня начинаются гастроли Ф. П. Горева, которыя ожидаются злѣтнѣю публикой съ большимъ интересомъ.

Кусково. Товарищество С. А. Андреева-Коренкова. Открытіе 10-го мая. "Доходное мѣсто". Наибольшій успѣхъ имѣли г-жи Красовская-Кукушкина и Лидія-Полина. 17-го мая 1-ая гастроль Ф. П. Горева "Родина".

Москвичи.

* * *

Опера "Кузнецъ Вакула" г. Римскаго-Корсакова названа въ постановкѣ на сценѣ Большаго театра въ октябрѣ. Въ октябрѣ же въ Маломъ театрѣ пойдетъ драма г. Карцова — "Мирская вдова", а въ сентябрѣ — комедія г-жи Смирновой "Муравейникъ".

* * *

Въ московскомъ балетѣ много артисты получили повышеніе и прибавки. Изъ танцовщицъ, между прочимъ, г-жѣ Рославлевой прибавлено 1,200 руб. въ годъ.

* * *

Русское театральное Общество возбудило недавно ходатайство предъ московскимъ генералъ-губернаторомъ о разрѣшеніи прїѣзда въ Москву артистамъ иудейскаго ироисповѣданія на время поста для присканія авгажементовъ. Въ настоящее же время, по словамъ газетъ. Общество памѣрено возбудиť ходатайство предъ правительствомъ о разрѣшеніи артистамъ-евреямъ безпрештественнаго проживанія въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ въ черты еврейской осѣдности.

* * *

Павловскій театръ открылся 14 мая драмой Шважинскаго "Въ старыѣ годы". Пьеса имѣла значительный успѣхъ, и исполнители: г-жѣ Холмскую, Каренину, Пронскую, г-г. Скуратова и Наумовскаго принимали очень дружно. Г-жи Холмская и Каренина получили цвѣты.

* * *

Народныя гулянья. Появко въ прошломъ году я случайно пошалъ въ Екатеринбургскій садъ, гдѣ въ крохотномъ "народномъ" театрѣ давалась пресловутая "Принцесса Греза". Созерцая этотъ удивительный спектакль, и не помышляя, какія реформы ожидаютъ екатеринбургскій театръ, да и вообще всѣ наши вародныя гулянья. А между тѣмъ мы, какъ говорится, были "наканунѣ событий"...

Въ этомъ году петербургское городское попечительство о народнои трезвости взялось руководить этими гуляньями,

для чего раскинуто по городским окраинам строго организованную сеть народных театров. Прежний Екатеринбург стал неузнаваемъ. Пыльных пѣтъ, всюду царствует неприкосновенность и благочиние. „Буколическимъ чѣмъ то пахнетъ“, какъ говоритъ одинъ гоголевскій герой. Вотъ дѣлая толпа мѣстной „публики“. Все кафтаны, картузы и платочки; изрѣдка замѣчается щеголеватый фабричный „элементъ“ въ традиціонномъ „сницжакѣ“ и при дѣпочкѣ. Опъ видимо не въ своей тарелкѣ, скушается о „тарарабумбѣ“ и „мамзели“, скептически относится къ настоящимъ увеселеніямъ. Вѣроятно, потому фабричный людъ и составляетъ меньшинство посѣтителей. Распорядители, однако, увѣрили меня, что это неправда, что напротивъ того: новоустроенныя гулянья въ большомъ фаворѣ у фабричныхъ. Не знаю. Я по крайней мѣрѣ подъ словомъ „фабричный“ подразумеваю тотъ безконечно испорченный деньгами и „удовольствіями“ классъ нашего городского населенія, который, по словамъ пѣсни:

Прозабывъ папашу съ мамочкой,
Душу въ карты заложилъ.

Такой фабричный почти отсутствуетъ, теперь на загородныхъ гуляньяхъ. Въ его распоряженіи увеселенія вроде „Новаго Эрмитажа“ или „Америки“, гдѣ кака-нибудь Шура Молдаванка шуринитъ передъ нимъ юбкой и взвизгиваетъ:

Вотъ, вотъ новый вамъ фасонъ
На нынѣшній сезонъ и т. д.

У пригородныхъ жителей, болѣею частью людей семейныхъ, новыя гулянья пользуются большимъ успѣхомъ. Среди исполнителей главное мѣсто занимаютъ пѣвицы и музыканты, исполняющіе преимущественно народные пѣсни. Необходимый въ подобныхъ случаяхъ дуэтъ парни съ дѣвушкой играетъ здѣсь не маловажную роль. Успѣхъ дуэта подкрѣпляется общезвѣстной мотивовъ и поворотовъ, которыми испещрять этотъ традиціонный діалогъ.

Кромѣ пѣсенниковъ и музыкантовъ, большимъ успѣхомъ пользуется и буфетъ. Собственно говоря это и есть центръ, куда направлена главнымъ образомъ дѣятельность попечительства и краугольный камень, о который равниваются вождѣлешія гуляющихъ. Выпивка отсутствуетъ въ новыхъ буфетахъ; вмѣсто водки предлагаютъ красное вино, разбавленное водою. Кушавья, закуски подаются за баспословно дешевую плату. Кухня и комната, гдѣ моютъ посуду, снабжены ярко освѣщенными окнами, въ которыхъ можно видѣть все, что происходитъ тамъ. И все видимое сверкаетъ чистотой и аккуратностью.

Ю. Б.

Г. Рутковскій.

Аваріумъ. Вечеръ воспоминаній.. Нѣмецкія дѣти — бѣлочки Бетти Стоянь и веселый Бауеръ — потревожили сонъ старика Оффенбаха. Его «Прекрасная Елена», вѣчно юная пр-опера, была поставлена въ лицахъ 9-го мая, и, Боже мой, сколько воспоминаній, сколько забытыхъ образовъ вызвала этотъ спектакль у нашихъ театраловъ!. Старички вздыхали. Даже Деверію вспомнили, и какъ она дѣлала этакъ пошлой:

Cascader, cascader la vertu!

Бетти Стоянь не удовлетворила ихъ. Роль Елены не по ней, или вѣрнѣе, такая Елена не для насъ. Со времени пресловутой Деверіи у насъ навсегда сложилось представленіе о Еленѣ, какъ о зрѣлой красавицѣ, переживающей въ романѣ съ Парисомъ свою «вторую молодость». И вдругъ г-жа Стоянь, съ ся гибкой фигуркой взялась за эту роль. Легко преодолевъ всѣ вокальныя трудности, она тѣмъ не мѣнѣе ничего не дала цѣльнаго, законченнаго. По обыкновенію публики устроила ей овалліи. Недаромъ наши газеты величаютъ г-жу Стоянь «любимицей». Жаль будетъ только, если изъ нея симпатичнаго дарованія выработается со временемъ типъ русско-иностранный пѣвицы, какой стала, напримѣръ, la duchesse Монбазонъ!.

Блѣдная неровная игра г. Бауера, впервые выступившаго въ роли Париса, заставляетъ желать много лучшаго. Что касается чисто музыкальныхъ достоинствъ послѣдняго, то онъ, не смотря на свой пріятный высокій голосъ, все-таки не выдерживаетъ сравненія съ г. Шпильманомъ.

Ю. Д. Б.

Г. Вилницкій.

Садъ Америка. Ни одно изъ петербургскихъ народныхъ гуляній не пользуется такимъ успѣхомъ у рабочаго люда, какъ садъ «Америка», на открытой сценѣ котораго даются драматическія представленія. Изъ актеровъ, приглашенныхъ на весь сезонъ особеннымъ успѣхомъ пользуются г-жи Ленина, Лалина и Изюмова, Гг. Дубровскій, Трефиловъ, Мидинъ и др. По нашимъ наблюденіямъ наибольшимъ успѣхомъ у мѣстной публики пользуется переводная драма. Это очень жаль, съ этимъ явленіемъ нелзя не считаться.

По словамъ московскихъ газетъ, Ф. И. Шаллининъ выбываетъ изъ состава труппы русской частной оперы. Въ настоящее время г. Шаллининъ находится въ Москвѣ, но въ скоромъ времени уѣзжаетъ за границу для возобновленія своего здоровья.

В. В. Андреевъ разослалъ по всѣмъ редакціямъ слѣдующее письмо:

Поставивъ себя задачей усовершенствованіе старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ русскаго народа, прошу лиги, у которыхъ почему либо сохранился и имѣется въ настоящее время древне-русскій трехструнный смычковый инструментъ «гудокъ», доставить таковой мнѣ (Спб., Ново-Исаакіевскій ул., д. 20, на имя Н. И. Привалова), за что будетъ мною предложено лицу, доставившему этотъ гудокъ, вознагражденіе.

Въ субботу, 9 мая, состоялось годовое собраніе членовъ литературно-художественнаго кружка. Собраніе было немногочисленно: присутствовало 25 — 30 человекъ. На поздній созывъ Общаго Собранія, какъ на одну изъ причинъ малолюдства, было указано въ Собраніи, равно какъ на то, что отчетъ не разсылается предварительно членамъ. Выборы дали слѣдующіе результаты: предсѣдательство дирекціи избралъ А. С. Суворинъ, товарищемъ А. П. Коломинъ; членами дирекціи — Я. А. Плющевскій Плющикъ, К. К. Случевскій, П. Д. Лепскій, Е. П. Карновъ, М. М. Ивановъ и Н. И. Холева, кандидатомъ къ нимъ: О. К. Хотовичъ и М. П. Федоровъ, и членами ревизіонной комисіи: В. А. Владимірскаго, А. А. Плецеевъ и А. Р. Кугель.

Изъ отчета о дѣятельности театра (подробный свѣдѣніи мы надѣемся дать въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ) видно, что театръ выручилъ за сезонъ 177,000 р., барыша же очистилось лишь 6,000 р. Въ прошломъ году, какъ известно, дефицитъ простирался до 21,000 р.

Миссъ Мерри Гальтонъ.

Миссъ Мери Гальтонъ, «несравненная» Мимоза, переходит въ скоромъ времени на сцену одного изъ загородныхъ кафешантановъ.

Въ газетахъ высказываются по этому поводу соболъзнованія, которыя покажутся запоздалыми, если мы вспомнимъ, что свой первоначальный успѣхъ въ Парижѣ золотоудрая «миссъ» стяжала именно въ качествѣ шансонетной пѣвицы. Ея жанръ—общій жанръ англійскихъ diseuses, неразлучно связанный съ даромъ имитации, а потому отдающій немного цирковыми фокусами. Но на сторонѣ г-жи Гальтонъ простота и природная грація—это много помогаетъ ей въ умѣнн «говорить» свои немудрыя пѣсенки. Роль Мимозы въ модной «Гейшѣ» написана специально для нея. *Mimosa pudica*—стыдливая мимоза, она вноситъ въ свое исполненіе рѣдкій у опереточныхъ актрисъ элементъ женственности и нервнаго напряженія. Чувствуется, что это въ самомъ дѣлѣ ибжное, извервленное растеніе, готовое сейчасъ-же поблкнуть, какъ только его лепестковъ коснется грубая рука. Не блестяя особенными голосовыми средствами, г-жа Гальтонъ однако умѣло справляется съ вокальными трудностями своей роли и ея успѣхъ всецѣло лежитъ въ хорошей школѣ и неослабывающемъ прилежаніи. Б.

* * *

Въ Крестовскомъ саду въ настоящее время большимъ успѣхомъ пользуется, пѣвица... какъ бы это сказать «эксцентричная» пѣвица что-ли. Зовутъ ее «Mlle la Belle Cent Kilos». Это еще сравнительно молодая женщина, негражденная цвѣтушимъ здоровьемъ въ размѣрѣ сотни килло, унаслѣдовавшая жанръ своихъ пѣсенокъ отъ знаменитой М-не Блокъ. Одѣтая въ солдатскій мундиръ и красное кеппи, Cent Kilos не безъ юмора передаетъ свои веселыя пѣсенки, сопровождая ихъ уморительными жестами и мимикой. Ея появленіе у насъ, жалующихся на скуку и оскудѣніе, можетъ разсматриваться со всѣхъ точекъ зрѣнія, не выключая медицинской.

Набросокъ Юса Большого, сдѣланный съ натуры, знакомитъ читателя съ комичной виѣшностью веселой М-не Cent Kilos и съ ея характерными тѣлодвиженіями.

* * *

Цаяѣчены пока слѣдующія пьесы для Александринскаго театра: «Борцы» М. И. Чайковскаго, «На-

тазя Борисовна Шереметѣва» Д. Д. Аверкіева и «Волшебная Сказка» Н. Н. Потапенко. Кромѣ того предсѣдутъ пѣвый рядъ бенефисовъ, для которыхъ пьесы будутъ из Бранци бенефициантами.

* * *

Кто-то совершенно вѣрно замѣтилъ, что воспоминанія умѣли писать только въ старину. Авторы безчисленныхъ «записокъ» и мемуаровъ, иной разъ вовсе неизвѣстныхъ, находили въ себѣ достаточно мужества, чтобы говоря одними фактами, оставить въ сторонѣ свою собственную личность. Теперь не то. Какъ превосходный образецъ современныхъ воспоминаній являются «воспоминанія» г. Яронъ (см. выше).

Долгое время подвизаясь въ провинціальныхъ газетахъ въ качествѣ театральнаго рецензента, онъ рѣшилъ нынѣ подѣлиться съ читателями тѣмъ грузомъ воспоминаній, который накопился у него за тридцатилѣтнюю практику. 400 страницъ анекдотическаго матеріала, не провереннаго цифрами, скандальная хроника провинціального театра—вотъ что такое его воспоминанія. Читашъ эту пухлую, неряшливо изданную книгу и неловно испытываешь брезгливое чувство Порою въ ней встрѣчаются прямо-таки неприличія. Авторъ, не стѣняясь, рассказываетъ самыя скабреныя вещи о бывшихъ опереточныхъ «звѣздочкахъ», занявшихъ въ настоящее время болѣе серьезное амплуа; онъ сообщаетъ всю родословную знаменитаго баритона, вся вина котораго заключается въ томъ, что по происхожденію онъ еврей и т. д. Такихъ воспоминаній любому рецензенту можно было бы писать и еще десятки томовъ—вопросъ заключается въ томъ, стоитъ ли посвящать читающую публику въ дрязги театральнаго дѣла, разъ только они носятъ на себѣ характеръ скандальныхъ «исторій», не имѣя никакого отношенія къ исторіи вообще. Г. Яронъ издалъ свою книгу въ Кіевѣ. Это тоже знаменательно. Съ нѣкотораго времени кіевскіе книгоиздатели охотно стали печатать всѣ книжки, сколько-нибудь имѣющія скандальный характеръ или прелесть запретнаго плода, (знаменитые «подстрочники», напримѣръ). Г. Ярону нельзя однако отказать въ усидчивости и прилежаніи. Его воспоминанія обнимаютъ главнымъ образомъ дѣятельности одесскаго, курскаго, кіевскаго и харьковскаго театровъ, изобилуютъ множествомъ фактовъ, не связанныхъ ничѣмъ между собою, но тѣмъ не менѣе проливающихся нѣкоторый свѣтъ на сценическую дѣятельность того или другаго артиста. Приводимъ для примѣра «воспоминанія» о покойномъ И. П. Киселевскомъ, о единственномъ, кажется, изъ актеровъ къ которому г. Яронъ относится безъ «скрежета зубоваго» и безъ балаганства:

«Съ Иваномъ Платоновичемъ я былъ знакомъ здолго до поступленія его на сцену. Было это въ 1869 году. Въ зиму этого года я былъ въ г. Курскѣ; имѣя дѣло къ старшему нотаріусу курскаго окружнаго суда я направился въ его кабинетъ. Меня встрѣтилъ высокаго роста, молодой, представительный человекъ съ крайне симпатичной виѣшностью. Съ первыхъ-же словъ онъ поразилъ меня своимъ чуднымъ тембромъ голоса; не менѣе я былъ пораженъ изящностью манеръ и изысканной вѣжливостью. Это и былъ старшій нотаріусъ при курскомъ окружномъ судѣ—Иванъ Платоновичъ Киселевскій. Уже черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Курскъ я успѣлъ убѣдиться, какой громадной популярностью пользовался въ этомъ городѣ Иванъ Платоновичъ во всѣхъ рѣшительно слояхъ общества. Фамиліи Киселевскій я почти не слышалъ, о немъ просто говорили «Иванъ Платоновичъ» и всякій зналъ, о комъ идетъ рѣчь. Ни одинъ балъ, ни одинъ вечеръ, ни одно собраніе не обходилось безъ его присутствія и всюду онъ умѣлъ вносить какое-то особое оживленіе.

Mlle Cent Kilos.
(Набросокъ Юса Большого)

приноравливаясь къ тому кругу общества, въ которомъ находился. Всегда веселый, остроумный, находчивый. къ тому же блестящій танцоръ. — Иванъ Платоновичъ былъ, что называется, душой общества. Театръ Иванъ Платоновичъ любилъ безумно и посѣщалъ его постоянно. Въ 1869 году театромъ въ Курскѣ завѣдывала дирекція, во главѣ которой стояли предводитель дворянства Салтыковъ-Головкинъ и полковникъ Островскій. Киселевскій, близко стоя къ этимъ лицамъ и часто бывая на

Г-жа Добротина.

сценѣ во время антрактовъ, успѣлъ перезнакомиться со всѣми артистами, которыхъ постоянно принималъ у себя и которымъ при нуждѣ не разъ оказывалъ помощь. Нечего говорить, что всѣ артисты привозили ему билеты въ свои бенефисы. Какъ-то разъ, за нѣсколько дней до бенефиса Н. Н. Николаевой (сестры Е. Н. Горевой), Иванъ Платоновичъ пришелъ на сцену, гдѣ бенефициантка попросила его раздать нѣсколько билетовъ. Иванъ Платоновичъ сталъ отбояриваться, говоря, что хотя билеты и возьмутъ у него, но ругать будутъ и тутъ же съ горяча добавилъ: «а вотъ, если хотите взять сборъ, я сыграю въ вашъ бенефисъ».

Николаева сразу не повѣрила. Старшій нотаріусъ, популярнѣйшее лицо въ городѣ—и будетъ играть! Да вѣдь это полный сборъ! Бенефициантка не ошиблась: театръ, обыкновенно дававшій бенефицианту, за вычетомъ вечеровыхъ расходовъ, до 150 рублей, на сей разъ далъ г-жѣ Николаевой на ея долю 800 рублей. Вѣсть объ участіи Ивана Платоновича быстро разнеслась по городу; за ложи платили по 50 и даже по 100 рублей. Назначена была пьеса «Женитьба» съ Иваномъ Платоновичемъ въ роли Подколесина. Выступилъ онъ подъ псевдонимомъ Зорина. Надо замѣтить, что до этого случая Иванъ Платоновичъ никогда на сценѣ не выступалъ. Понятно волненіе любителя, въ первый разъ въ жизни рискнувшего предстать передъ публикой въ отвѣтственной роли. Хотя публика состояла преимущественно изъ друзей и добрыхъ знакомыхъ Ивана Платоновича, но онъ, надо отдать ему справедливость, отнесся очень серьезно къ своей роли и имѣлъ успѣхъ не «пріятельскій», а вполне заслуженный. Не думалъ тогда никто изъ публики, что театральные подмостки—будущая карьера Ивана Платоновича. Менѣе всего объ этомъ думалъ самъ онъ.

Артисты труппы, видя въ лицѣ Ивана Платоновича любителя, участіе котораго въ бенефисы можетъ принести хорошій доходъ, стали постоянно приглашать его. Иванъ Платоновичъ не отказывалъ и вскорѣ выступилъ въ роли Жадова («Доходное мѣсто»). Успѣхъ былъ шумный. Въ 1871 году Иванъ Платоновичъ оставилъ службу и въ томъ-же Курскѣ сталъ выступать уже какъ присяжный актеръ въ труппѣ Кандаурова. Здѣсь кстати отмѣтить одинъ упрекъ, часто дѣлаемый Киселевскому; упрекъ этотъ—незнаніе ролей. Конечно, бѣда не велика, незнаніе роли на сценѣ смягчается содѣйствіемъ суфлера, но Киселевскій еще до поступленія на сцену, дѣйствительно отличался этимъ недостаткомъ; онъ и въ жизни не зналъ своей роли; зналъ онъ ее и навѣрно, при его связяхъ и при той симпатіи, которую онъ пользовался, онъ достигъ-бы «степеней извѣстныхъ» и рядъ чиновниковъ увеличился бы еще однимъ генераломъ, но, благодаря именно этому незнанію роли, наша сцена, столь бѣдная теперь выдающимися артистами, приобрѣла Ивана Платоновича: онъ и на сей дѣлѣ дослужился до чина генерала, но генерала... въ искусствѣ.

Въ Одессѣ Киселевскій впервые выступилъ въ 1873 году

въ роли Жадова. Въ то время во главѣ драматической труппы стоялъ извѣстный артистъ Н. Милославскій, который сразу обратилъ вниманіе на дебютанта, и уже черезъ короткое время Киселевскій сталъ играть роли первыхъ резонансовъ, нѣрѣдко во многихъ роляхъ чередуясь съ Милославскимъ. Долженъ замѣтить, что Милославскій, какъ я уже упомянулъ, по своему происхожденію, образованію, мнѣрамъ и пр., считался *барниномъ* и былъ принятъ въ лучшихъ домахъ Одессы. Съ появленіемъ Киселевскаго, сразу завоевавшего симпатіи общества, стали говорить: «еще одинъ *баринъ* на сценѣ».

Какъ я уже сказалъ, Милославскій во многихъ роляхъ чередовался съ Киселевскимъ, но одинъ спектакль особенно остался у меня въ памяти, спектакль, въ которомъ выступили оба артиста. Шла пьеса «Ограбленная почта». Обыкновенно роли Лезюрка и Дебоска играютъ одинъ артистъ, но въ этотъ разъ Милославскій игралъ Лезюрка, а Киселевскій—Дебоска. Это былъ одинъ изъ такихъ спектаклей, который никогда не изглаживается изъ памяти; успѣхъ артистовъ былъ колоссальный и публика не знала, кому изъ двухъ артистовъ отдать преимущество!

Пробовалъ Киселевскій выступать и въ роляхъ Шекспировскаго репертуара, но вскорѣ это оставилъ. Нѣсколько помню, онъ выступилъ въ сезонѣ 1874 г., по настоянію Милославскаго, въ роли Отелло, но этимъ, кажется, и ограничился.

Въ Кисѣ Киселевскій впервые выступилъ въ лѣтній сезонъ 1874 г., въ труппѣ Рокотова, въ саду «шато-де-флеръ», а затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ вновь появился тамъ весной 1881 года, въ театрѣ Бергонь, при антрепризѣ Иваненко. Гастролировалъ Киселевскій и въ Киевскомъ русскомъ драматическомъ обществѣ. Затѣмъ Киселевскій перешелъ на Императорскую сцену, оставивъ ее добровольно въ 1884 г. вслѣдствіе недоразумѣній съ управляющимъ труппой А. А. Потѣхинымъ. Не касаясь Ивана Платоновича, какъ артиста, не могу, однако, не указать на одну роль въ его репертуарѣ, роль, которую онъ создалъ. Я разумѣю роль Скалозуба. Обыкновенно Скалозуба изображаютъ придурковатымъ, съ пополаченіемъ на остроуміе, и фронтовикомъ. Киселевскій первый внесъ новый элементъ въ характеръ этой роли: не забывши фронтовика, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ изобразилъ его изящнымъ членомъ высшего общества. Играя эту роль въ Озеркахъ одновременно съ Самаринымъ, игравшимъ Фамусова, Киселевскій произвелъ на знаменитаго артиста прекрасное впечатлѣніе; Самаринъ былъ въ восторгѣ отъ характера, который Киселевскій придалъ этой роли, и при возвращеніи въ Москву, всюду рассказывалъ объ этомъ.

* * *

Н. А. Богдановъ.
(† 12 мая).

12-го мая послѣ продолжительной болѣзни скончался извѣстный художникъ—иллюстраторъ Николай Антоновичъ Богдановъ. Талантъ покойнаго казался главнымъ образомъ въ мелкихъ рисункахъ и виньеткахъ, въ свое время очень цѣнимыхъ любителями. Сотрудничая въ юмористическихъ журналахъ «Стрекоза», «Шутъ» и «Осколки», Н. А. никогда въ сущности не былъ карикатуристомъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Его легкій контурный рисунокъ пріхотливыми зигаагами чертилъ обыкновенно изящныя женскія фигурки и пикантные профили. Безчисленное множество такихъ рисунковъ разсыпано въ нашихъ иллюстрированныхъ журна-

лахъ. Масляныхъ красокъ покойный художникъ почти не касался. Изъ его большихъ полотенъ, въ недавнее время выставленныхъ въ академіи, были: «Въ праздничный день» и «На лодкѣ».

Н. А. Богдановъ родился въ 1840 году въ кievской губерніи и первоначальное воспитаніе получилъ въ кievской гимназіи. Но страсть къ рисованію вскорѣ привела его въ Петербургъ въ академію. Безо всякихъ средствъ къ существованію, молодой художникъ добывалъ себѣ заработокъ въ качествѣ иллюстратора. Въ 1877 году онъ былъ редакторомъ «Стрелковъ», въ которой былъ и самымъ прилежнымъ сотрудникомъ. Затѣмъ онъ много работалъ въ «Развлеченіи», «Нивѣ», «Живописномъ Обзорѣ» и «Всемирной Иллюстраціи».

* * *

Извѣстная монографія В. С. Баскина «П. И. Чайковский», изданная редакціей «Шивъ», одобрена ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для всѣхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для всѣхъ безплатныхъ народныхъ читателей.

Вечеръ въ „Оперномъ домѣ“.

(Очеркъ изъ исторіи русскаго театра).

(Продолженіе *).

Разысканія въ области народнаго эпоса и лирики начались у насъ въ Россіи, какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго столѣтія, и сама Императрица была вовлечена въ это дѣло **). Появились первые сборники народныхъ пѣсней ***), и хотя эти первые начинанія были съдѣло попорчены вѣшателствомъ въ ихъ творчество собирателей ****); тѣмъ не менѣе пѣсни, какъ интересная новинка, проникли и въ театральныя пьесы. Стали писаться оперы, „составленныя изъ словъ сказки, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій“ *****). Богатырскіе подвиги и молодецкія ухватки русскихъ витязей и народная лирика замѣнили старыи и уродливыи языкъ любви. Эти вставки значительно оживили дѣйствіе комической оперы, но ничего не сдѣлали въ смыслѣ содержанія. Оно по прежнему поражала вялостью и блѣдностью, отсутствіемъ всякаго драматизма и множествомъ вводныхъ сценъ. „Надобно быть зрителемъ“, пишетъ одинъ театральныи критикъ, разбирая оперу „Февей“, „чтобы чувствовать всѣ красоты, всѣ изящности и всѣ превосходства сего сочиненія, обпаруживающаго и древніе отече-

*) См. № 19.

***) См. ея небольшой сборникъ: „Выборныя русскія сказки“.

****) Напримѣръ: Чулкова (1770—1776), Попова (1792) и Макарова (1803).

*****) См. Сахарова. Сказанія рус. пар. т. I, кн. 1, стр. 23—46.

*****) Напримѣръ: опера „Февей“ или „Новгородскій богатырь Боеславичъ“ Рос. Театръ. ч. XX. Спб. 1783.

*****) См. журн. „Зеркало Свѣта“. 17 г. ч. I, стр. 359.

чества нашего обычая, и вкусъ стихотворный“— и далѣе: „увеселяя зрителя кстатіи вводными перемѣнами и прерывающими дѣйствіе балетами, опера эта вперлетъ купно и любовь къ добродѣтели“. Очевидно, что вводныи сцены, разжижающія на нашъ взглядъ содержаніе пьесы, весьма нравились зрителямъ того времени, искавшимъ въ театрѣ разнообразія впечатлѣній. Немножко музыки, немножко стиховъ и балета не заставляли желать отъ пьесы ничего болѣе совершеннаго. Публикѣ, собирающейся въ театрѣ для свиданій и веселаго времяпрепровожденія, не трудно было слѣдить, такимъ образомъ, за ходомъ пьесы, а отдѣльные кусочки пріятно раздражали ея воображеніе.

Что касается до мнѣнія критика о тонкой передачѣ красотъ родной старинны, то въ этомъ онъ жестоко ошибается. Храповицкій, на обязанности котораго, какъ извѣстно, лежало подыскиваніе хорошихъ для пьесы Императрицы Екатерины II, не стѣснялся помѣщать на ряду съ истинно-поэтическими осколками народнои пѣсни и такія уродливыи вирши Гредьяковского:

Съ одной стороны громъ,
Съ другой стороны громъ.
Ужасно въ ужѣ!
Смутно въ воздухѣ!
Набѣгли тучи,
Воды несучи,
Грянулъ громъ со порубы,
И пѣть ни звѣзды, ни луны *).

Даже добродушный и ко всему безразличныи П. Араповъ говоритъ въ своей извѣстной „Лѣтописи“, что „оперы эти въ своемъ родѣ, по декорациямъ и машинамъ, были изъ самыхъ привлекательныхъ **), но, видимо, и онъ, не смотря на свой старомодныи вкусъ, удивлялся сюжетамъ подобнаго рода.

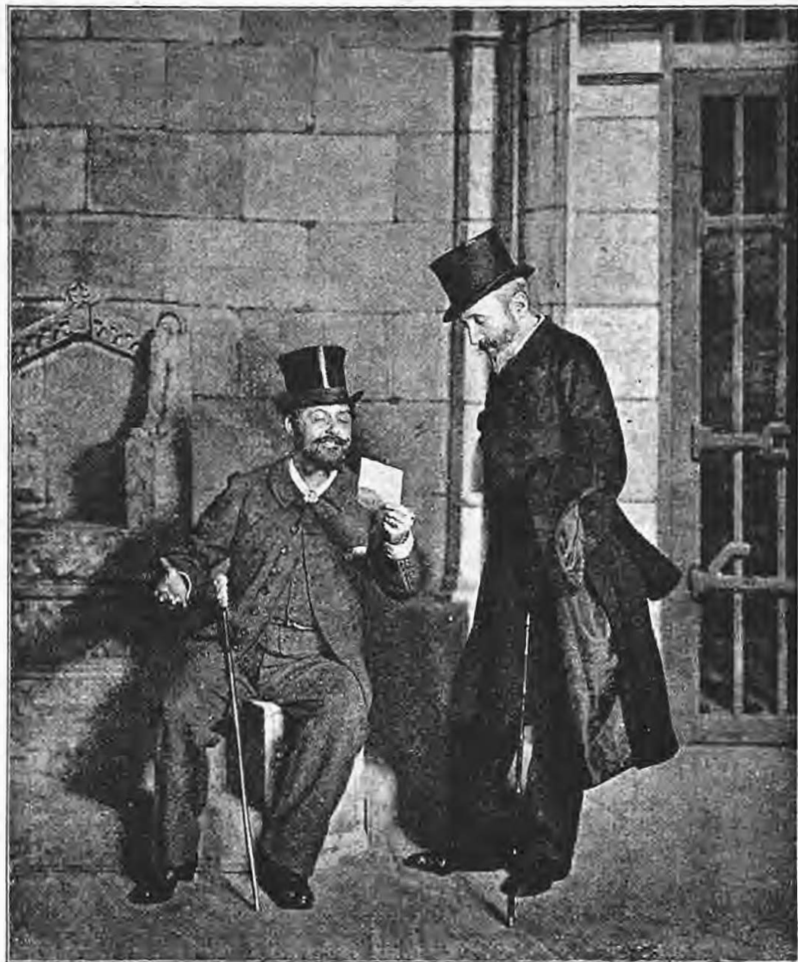
Конечно, такой театръ не могъ похвастаться изобиліемъ морали. Любовь и ея неизбежная спутница—ревность открыли въ театральномъ залѣ свою постоянную резиденцію, и мало-по-малу начались выработываться типъ театральныи завсегдатаевъ, образовавшихъ впоследствии свой особенныи, замкнутыи мірокъ. Въ театрахъ завязывались интересныи и нужныи знакомства, начинались нужныи карьеры, и самъ Фонвизинъ говоритъ, что онъ вступилъ на литературное поприще, благодаря тѣмъ знакомымъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ въ театрѣ, „стои въ партерахъ“.

Среда театраловъ была самой серьезной и самой взыскательной частью публики, и первые русскіе театральныи критики, несомѣнно, появились изъ кружка этихъ ревнителей искусства; остальную, и при томъ большую часть зрителей, составляла праздная, скукающая и сытая толпа, постоянно враждовавшая со своими угрюмыми сосѣдями и подымаемая на смѣхъ послѣдними. Ратуя преимущественно за устарѣлыи традиціи псевдо-классицизма, критики не удускали, однако, случая показать своимъ неразумнымъ противникамъ истинную суть ихъ увлеченія театромъ. Одинъ изъ современныхъ сатирическихъ органовъ печати открылъ на своихъ страницахъ даже особый отдѣлъ подъ характернымъ названіемъ: „Объявленія отъ театра щеголей и щеголихъ“, гдѣ иногда очень язвительно высмѣивалась страсть общества къ мотовству и соперничеству въ искусствѣ одѣваться по модѣ. „Сего 192-го числа“, пишется, напримѣръ, тамъ „представлена будетъ комическая опера: „Намъ въ жалкихъ пьесъ промотавшихся“, музыка сочиненія всѣхъ славныхъ мотовъ. Черезъ недѣлю

*) Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ. Рос. Театръ. ч. XX. Спб. 1788 г.

***) Араповъ. Лѣтопись Русскаго Театра, стр. 117.

„LA MARTYRE“.

Жанъ Риппэнъ и Ж. Кларети.
(см. За-границей).

спустя играна будетъ трагедія: „Раззорившійся по Модъ“, а послѣ оной краткая пьеса: „Пустой кошелекъ и Магистратъ“ *). Другой критикъ, задавшись цѣлью показать неоспоримую пользу серьезнаго театра, приходитъ къ весьма грустному заключенію, что его не поймутъ, и раздражается по этому поводу эпиграммой:

Полезенъ ли театр, и чиститъ ли онъ нравы,
Иль только что одинъ приноситъ намъ забавы.—
Коль спроситъ кто меня о семъ,

скажу
и докажу
ему о всемъ
и прямо:
а какъ—
вотъ такъ,

какъ испытаніе доказываетъ само:

Для умныхъ служить онъ къ познанию вмѣсто вратъ,
Для глупыхъ—игрище, гульбище и развратъ **).

Стихи, какъ видитъ читатель, весьма не „густы“, но въ нихъ все-таки проглядываетъ увѣренность, что у серьезнаго репертуара существуетъ лучшее будущее, усмотрѣнное авторомъ при помощи *испытанія*. Настоящее же положеніе дѣлъ все-таки казалось ему настолько безотраднымъ, что его нельзя было не казнить полнымъ презрѣніемъ. Театръ стоялъ почти что на одномъ уровнѣ съ увеселительными заведеніями самаго низкаго сорта, о безнрав-

*) См. „Сатирической Вѣстникъ“. 1790 г. ч. I, стр. 110.

**) См. журн. „И то и сіо“ 1769 г., м. февр.

ственности и пустотѣ которыхъ громко вопіяли истинные ревнители драматическаго искусства. Но на заявленія критики смотрѣли довольно безучастно, хотя теперь мы можемъ составить себѣ по тогдашнимъ критическимъ замѣткамъ весьма ясное представленіе о значеніи театра, о вѣрности его общественныхъ отраженій и объ отношеніяхъ публики къ исполнителямъ, рисуящимъ намъ безотрадную картину сибаритета и мененатства прошлаго столѣтія. Духъ покровительства сдѣлалъ свое дѣло; нѣсколько тысячъ людей, прошедшихъ суровую школу крѣпостнаго театра, открыли новую и тяжкую эпоху безызвѣстныхъ героевъ сцены. Увы, въ тѣ времена ихъ просто называли „актерскою шайкою“. Мы увидимъ ниже что комическая опера своими особенностями содѣйствовала возникновенію подобнаго азіатскаго взгляда на цѣлое словіе людей.

Юрій Бѣляевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОМЪ АВДІЯ ИВАНОВИЧА

(Записано съ его собственныхъ словъ).

Авдій Ивановичъ — неутомимый драматургъ, весьма пожилой человекъ, самовителный и раздражительный. Нервы его истерзаны до того, что въ дни первыхъ представленій своихъ пьесъ онъ истреляетъ въ страшномъ количествѣ бромъ.

Неуспѣхъ дѣйствовалъ на него всегда губительно и удручающе: онъ видѣлъ въ этомъ интриги со стороны актеровъ, журналистовъ и всѣхъ своихъ знакомыхъ, завидовавшихъ его творчеству.

— Придетъ, придетъ и наше время, — говаривалъ онъ въ интимномъ кружкѣ. — Въ будущемъ столѣтіи, возможно, и мой скромный бюстъ, отлитый изъ бронзы, будетъ украшать фойе русскаго театра. Но я далеко отъ рекламы, не заискиваю ни въ комъ, — такъ мой характеръ и потому не дожусь безпристрастной оцѣнки моей литературной дѣятельности.

Недавно Авдій Ивановичъ провелъ вечеръ у знакомаго литератора, гдѣ собралось много пишущей братіи и актеровъ. Его заставили чуть не насильно выпить за ужиномъ нѣсколько рюмокъ хересу и зеленаго ликера. Напитки подѣйствовали на него не хорошо: онъ сдѣлался мраченъ, забился куда-то въ уголь, и всѣ присутствовавшіе, не исключая хозяйина, опротивѣли ему. Кое съ кѣмъ Авдій Ивановичъ сдѣлался и наговорилъ дерзостей, а затѣмъ схватилъ съ окна барашковую шапку, помялъ ее въ рукахъ и незамѣтно юркнулъ въ дверь.

— Больные, всѣ больные, — разсуждалъ онъ, — выйдя на улицу и поднимая воротникъ потертой енотовой шубы... Зависть, болѣзненное самолюбіе, бездарности, эгоистички, не переносятъ чужого таланта... Тыслчу разъ давалъ себѣ слово держаться въ сторонѣ отъ этихъ пріятелей!..

Возвратившись домой и взобравшись въ свою маленькую квартиру въ третьемъ этажѣ, онъ завопилъ что было силы. Горничная съ заспанными гла-

зами открыла ему дверь, и не успѣла затворить послѣднюю, какъ Авдѣй Ивановичъ кинулъ ей на руки пубу.

— Самоваръ прикажете ставить, зажиматься будете?

— Убирайся прочь, ничего мнѣ не нужно!..

Онъ вошелъ въ кабинетъ, заваленный книгами и газетами, зажегъ лампу съ зеленымъ абажуромъ и быстро сбросилъ съ себя сюртукъ.

— О-охъ, печень заняла,—простоналъ Авдѣй Ивановичъ и прилегъ на кушетку, ножки которой слегка затрещали. — О-охъ!..

У него не выходилъ изъ головы черепъ Вольтера, остатки котораго недавно выкопали и вынули изъ гроба... Вѣднѣй Вольтеръ, какъ ты измѣнился!.. Онъ вспомнилъ о немъ сегодня дважды, во-первыхъ, увидя въ иллюстрированной газетѣ изображение его черепа, а во-вторыхъ, когда смотрѣлъ на ту компанію, съ которой провелъ вечеръ. „О, ты былъ тысячу разъ правъ, сказавъ: „всѣ стремятся къ совершенству, но, не имѣя способностей, тщетно сялятся оное постигнуть“...

Авдѣй Ивановичъ до того заговорился, что глаза его поминутно закрывались, и онъ произносилъ отдѣльные слова и безсвязныя фразы, въ родѣ, напримѣръ: „высокая комедія и черепъ Вольтера“, „Лессингъ“, „а хорошихъ пьесъ все-таки нѣтъ“, „надо беречь свой талантъ“, „Карповъ, Потѣхинъ, Крыловъ“ и т. д.

Онъ повернулся на лѣвый бокъ, потомъ на правый, потомъ опять на лѣвый и заснулъ.

Авдѣй Ивановичъ видѣлъ сонъ, страшный, но вмѣстѣ съ тѣмъ назидательный... Онъ достигъ того, о чемъ вѣчно мечталъ, онъ дождался безпристрастной и правдивой оцѣнки своей литературной дѣятельности.

Авдѣй Ивановичъ умеръ. Надъ нимъ выросъ уже свѣжій могильный холмъ изъ мерзлаго желтаго песку, онъ чувствовалъ могильный холодъ и стоналъ. Да, умеръ и стоналъ, самъ не замѣчая этого. Могила окружала несмѣтная толпа. Кого-кого же было въ этой толпѣ? Репортеры не успѣвали записывать всѣхъ представителей интеллигенціи, явившихся отдать послѣдній долгъ покойному драматургу. Послѣдній самъ не разъ, желая облегчить ихъ задачу, обращался къ нимъ...

— Не пропустите вотъ этого и этого... Необходимо отмѣтить, — почтенные люди, маститые, въ присутствіе здѣсь меня трогаетъ, возвышаетъ.

Литература, актерство, адвокатура, художники и просто почитатели лѣзли другъ на друга, образуя вокругъ могилы родъ китайской стѣны. Авдѣй Ивановича такое множество почитателей радовало, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тревожило. „А вдругъ земля рухнетъ и всѣ они провалятся на меня и раздавятъ, какъ червяка!.. А впоследствии, если захотятъ откопать мой черепъ, подобно Вольтеровскому, ничего не найдутъ“.

Затѣхъ говоръ, всѣ какъ будто затаили дыханіе и воцарилась тишина. Авдѣй Ивановичъ сталъ прислушиваться, начались рѣчи. Первымъ заговорилъ почтенный Гвоздь, могущество котораго за кулисами театра непобѣдимо; голосъ его то замиралъ, то слова гремѣли, и такъ сильно, что вѣтви съ

LA MARTYRE.

Иоаннъ (г. Мунз-Сюлли) и Флеммеола (г-жа Барте).

(см. За-границей).

близжайшихъ деревьевъ падали. Онъ началъ стпхамп:

„Какое сердце биться перестало,
Какой свѣтильникъ разума угасъ“.

— Знаете ли вы, господа, кого мы потеряли! — Онъ неистово билъ себя въ грудь и потрясалъ кудрями, которые тутъ же незамѣтно для всѣхъ росли и росли. — Мы потеряли нашу славу, нашу гордость.

При этихъ словахъ бальзамъ потекъ по жиламъ Авдѣя Ивановича.

— Онъ, благодаря своему гигантскому таланту и художественной наблюдательности, рисовалъ намъ жизнь такую, какова она есть, безъ прикрасъ. Его драму можно сравнить развѣ только съ драмами Льва Толстого и моими.

И пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... Такъ далеко пошелъ, что забылъ на время, кто скрытъ подъ свѣжимъ могильнымъ холмомъ, и распространился о собственномъ своемъ значеніи для русской драматургіи, но потомъ опомнился.

— Авдѣй Ивановичъ, пмя твое не умереть, оно будетъ жить среди насъ вмѣстѣ съ твоими незабвенными героями, оцѣнка которыхъ ждетъ своего критика. Спи!

Авдѣй Ивановичъ спалъ дѣйствительно крѣпко, прислушиваясь къ элоквиціи надгробныхъ ораторовъ.

Знаменитая артистка Зоя Елеазаровна Шарикъ возложила на могилу колоссальный вѣнокъ, на лентахъ котораго прочли надпись: „Незабвенному Авдію Ивановичу отъ создательницы его лучшихъ жепскихъ образовъ — Зои Елеазаровны Шарикъ“. На другой лентѣ: „Истинная трагедія есть школа добродѣтели. Вольтеръ“.

— Очень, очень мило! — прошептала про себя Авдіи Ивановичъ.

Отъ литературно-театрального комитета говорилъ и возложилъ вѣнокъ знаменитый критикъ Игафраксъ Игафраксовъ, нарочно прибывшій для этого изъ Москвы, авторъ самыхъ скучнѣйшихъ статей о театрѣ. Онъ въ короткихъ словахъ охарактеризовалъ литературныя заслуги покойнаго висателя, при чемъ сумѣлъ навлечь на слушателей томлящую тоску, являющуюся вообще отличительнымъ достоинствомъ всѣхъ его трудовъ.

— А все-таки изъ Москвы пріѣхалъ! — подумалъ Авдіи Ивановичъ.

Послѣ Игафракса Игафраксова читалъ стихи молодой поэтъ, другъ покойнаго.

Авдія Ивановича это удивило.

— Я потерялъ память; какъ неприятно дожить до того возраста, когда теряешь память... Миѣ кажется, что у меня никогда не было такого друга... ни онъ меня ни любилъ, ни я его ни любилъ, но онъ такъ увѣренно говоритъ, что я начинаю ему вѣрить.

Поэтъ закончилъ со слезами:

„Любовью истинною брата
Мою ты музу пробуждалъ!
Какая страшная утрата,
Кого театръ вашъ потерялъ“.

— Только послѣ смерти можно узнать, какъ тебя любили,—думалъ Авдіи Ивановичъ.

Теплое и задушевное слово произнесъ одинъ изъ

„L A M A R T Y R E“.

Аруисъ (г. Вормсъ).
(с.м. За границей).

русскихъ драматическихъ актеровъ, молодой чело-вѣкъ, неоднократно выступавшій въ пьесахъ Авдія Ивановича.

— Никого мы такъ искренно не любили за кулисами, какъ сомкнувшаго на вѣки очи Авдія Ивановича и никто не любилъ насъ такъ, какъ покойный. Съ какимъ желаніемъ угодили ему, мы пользовались каждымъ его замѣчаніемъ,—замѣчаніемъ, скажу кстати, всегда разумнымъ, толковымъ.

— Ага,—обрадовался Авдіи Ивановичъ,—„разумное, толковое“, спохватились, оцѣнили, поняли, голубчики, кого потеряли... Ну, такъ вотъ и поплачьте теперь!

— Для актеровъ это былъ другъ и наша семья осиротѣла... Мы повѣсимъ въ театральномъ фойе твоей портретъ, и онъ будетъ намъ вѣчно напоминать о тебѣ. Произведенія твои не умрутъ на русской сценѣ, они переживутъ всѣхъ насъ. Отдыхай, благородный чело-вѣкъ и замѣчательный художникъ!

— А проснись я теперь, воображаю, какъ у нихъ вытянутся физиономіи и что они заговорятъ.

Но тутъ Авдіи Ивановичъ какъ-то крикнулъ, хотя сонъ его не прерывался...

— И похвалы миѣ ваши досаждаютъ!—закричалъ онъ во все горло и силою прорвался черезъ толпу къ своей собственной могилѣ.

— Ага... вы, господа, не ожидали, что я живъ...—оралъ онъ какимъ-то дикимъ голосомъ.—Да, я живъ, и только притворялся мертвымъ, я хотѣлъ васъ всѣхъ вывести на чистую воду... Сначала я думалъ, что п въ самомъ дѣлѣ умеръ, а потомъ, слушая вашу лесть и похвалу, молчалъ, миѣ это было приятно... Но я жить хочу, и буду жить, буду творить! Что вы теперь обо миѣ заговорите, какими глазами вы теперь станете смотрѣть на меня? Я всѣхъ васъ провелъ и всѣмъ, всему міру доказалъ, что я такое, каковъ мой талантъ.

Толпа въ смутеніи разступилась, ораторы и артистка, возложившая вѣнокъ, поникли головами. Присутствовавшіе на погребеніи адвокаты прислушивались, не возникнетъ ли дѣло о клеветѣ.

— Теперь я обращаюсь къ вамъ съ рѣчью, съ отвѣтной рѣчью... пускай всѣ меня слушаютъ—это не похороны, а мое торжество, торжество таланта, творчества! Вы, любезный Гвоздь, вы вздумали проливать надо мной слезы, гордостью меня называли... Господа, а знаете ли вы, что этотъ самый Гвоздь сказалъ миѣ третьяго дня? Онъ сказалъ миѣ: ваши пьесы миѣ не по душѣ, и пока нога моя ходитъ по сценѣ, онъ не проникнуть сюда! И только послѣ моей смерти сравниваетъ меня съ графомъ Толстымъ и даже самимъ собой. А вы, Зоя Елеазаровна, покорнѣе благодарю васъ за прекрасный вѣнокъ, вы трижды отказывались отъ ролей въ моихъ пьесахъ, чего не позволяла себѣ ни одна самая знаменитая, а стало быть, и самая привередливая актриса... Гдѣ же эти лучшіе женскіе образы моихъ произведеній, созданные вашимъ талантомъ? Какая коварная лесть... А Игафраксъ Игафраксовъ, московскій критиканъ, привезшій съ собой слезы театральнаго-литературнаго комитета! Забраковали три моихъ драмы и плачутъ. А кому изъ насъ плакать-то слѣдуетъ: вамъ или миѣ? А ваша критика, вы ли меня не казнили за отсутствіе серьезности въ пьесахъ, за ихъ безцѣльность? Позвольте, господа... тутъ нашелся мой другъ поэтъ, музу котораго я пробуждалъ любовью брата, но я его не знаю! Скажите миѣ, кто этотъ другъ? Миѣ стоило притвориться мертвымъ еще на три дня, и этотъ другъ навѣрно бы началъ печатать обо миѣ личныя воспоминанія. Миѣ объяснялся въ любви талантливый артистъ, отъ лица цѣлой труппы. Ну,

могу ли я ему вѣрить, если на-дняхъ, сиди у прія-теля, онъ скажалъ, что мнѣ надо лечиться, что у меня маинъ величій, издѣвался надо мной, смѣялся надъ моими пьесами, и потомъ клянется въ любви, хочетъ вѣшать въ театральномъ фойе мой портретъ! Не дамъ, слышите, ли не дамъ моего портрета, заслужите его сначала! И какъ вы все понались, въ какомъ ложномъ положеніи все очутились! И какое удивительное совпаденіе двухъ выдающихся фактовъ... во Франціи отгапывають скелетъ Вольтера, а у насъ хоропятъ заживо знаменитаго драматурга. Вы видите, что между этими событіями есть свя-зующій элементъ... Вольтеръ и я!

Въ лампѣ не осталось больше керосина, изъ ком-натѣ отъ чада трудно было дышать. Авдѣи Ива-новичъ снова крикнулъ и проснулся. Онъ ничего не могъ понять, что съ нимъ, гдѣ онъ, и почему лам-па такъ коптитъ... Онъ вскочилъ, посмотрѣлъ на часы, которые показывали пять, погасилъ лампу и зажегъ свѣчу. Онъ чувствовалъ себя отвратительно, голова послѣ кошмара какъ будто сдѣлалась сви-цовой. Авдѣи Ивановичъ сѣлъ къ письменному сто-лу, облокотился, закрылъ руками лицо и заплакалъ: ему было горько, что онъ истину увидѣлъ только во снѣ, да и то поддѣльную.

Александръ Плещеевъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Парижъ. Последняя новинка весенняго сезона — пьеса Пьера Вольфа «Le boulet», поставленная въ «Палэ-Роялѣ». Пьеръ Вольфъ еще совсѣмъ молодой человекъ, заявившій себя въ качествѣ превосходнаго хроникера, одинъ изъ тѣхъ молодыхъ журналистовъ, которые прилаютъ своимъ хроникамъ форму діалога. Его первымъ литературнымъ успѣхомъ можно считать извѣстную пьесу «Leurs filles», гдѣ мрачными, реальными красками описана одна изъ жизненныхъ битвъ. «Leurs filles» въ свое время, пользовались большимъ успѣхомъ въ Парижѣ, не замедливъ перейти изъ ехци-реальнаго Théâtre libre въ кафе и на бульвары. Иветта Гильбертъ когда-то съ большимъ успѣхомъ исполняла куплеты братьевъ Леви подъ названіемъ «Leurs filles» и весь Парижъ поддѣлывалъ ей:

Elle's ont, on n'sait combien d'paras
Mais pauvre petites... elle's comprennent pas
Leurs filles!

Реальность до мозга костей, рисующій жизнь такую, какова она есть въ дѣйствительности, истый «хроникеръ» и въ театальной сферѣ, П. Вольфъ вообще мало заботится о томъ впечатлѣніи, какое произведутъ его герои на публику. Онъ рисуетъ ихъ со всеми ихъ достоинствами и недостатками, боясь навязывать зрителю мораль и презирая все болѣе или менѣе рискованныя положенія. Оттого его пьесы производятъ впечатлѣніе жизненной правды, идущей часто въ ущербъ сценичности. Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ производитъ его новая пьеса «Le boulet», вызвавшая великій расколъ среди парижскихъ критиковъ. Во всякомъ случаѣ это «боевая» пьеса. Для «Палэ-Рояля» она не подлѣ статья, хотя разыграна была превосходно и обставлена съ рѣдкимъ вниманіемъ и добросовѣстностью. Содержаніе ея слѣдующее: Нѣкто Дюбрель (г. Дюбоскъ) увлекся красавицей Евой (г-жа Шей-рель), пріѣхавшей въ Парижъ изъ Бордо. Она прельстила его своими красивыми глазами, умомъ и граціей. Молодой ививеръ вначалѣ никакъ не думалъ, что эта связь можетъ имѣть для него серьезное значеніе. Передъ нимъ рисовалась картина случайнаго парижскаго «коллажа», а между тѣмъ дѣйствительность показала совсѣмъ иное. Въсто одного или двухъ дней судьба, связала ихъ на три долгихъ года. Ева всею душой любила своего друга, а онъ... онъ тяготился этой любовью и съ каждымъ днемъ удалялся отъ нея. Случай столкнулъ его съ подругой Евы — Жанной Деривъ (г-жа Пьерноль). Ева, узнавъ объ изменѣ друга, рѣшается отомстить, что и приводитъ въ исполненіе, убѣгая въ одно прекрасное утро съ другомъ Дюбреля — Фронсакомъ (г. Раймондъ) въ Италию. Фронсакъ обожаетъ Еву и вскорѣ они соединяются узамъ Гименей. По возвращеніи изъ поѣздки Фронсакъ и Дюбрель,

бывшіе друзья, становятся врагами. Дюбрель пылаетъ ревностью и вызываетъ Фронсака на дуэль, а послѣ дуэли они стано-вятся опять друзьями. Страдающимъ лицомъ оказывается послѣ всѣхъ этихъ исторій Ева — она никакъ не можетъ больше показаться: всѣ салоны закрыты для нея. Для того, чтобы нѣсколько утѣшиться, она выписываетъ изъ Бордо свою пріятельницу Матильду (г-жа Фредерикъ), чѣмъ возбуждаетъ ревность у Фронсака. Все однако кончается къ общему благополучію, благодаря резонирующему началу, въ лицѣ нѣкоего Мерандея (г. Лами), который поворачиваетъ дѣло въ благо-пріятную для всѣхъ сторону, и зритель выноситъ впечатлѣніе обычнаго житейскаго «дѣла», поданнаго авторомъ безо всякихъ прикрасъ, какъ и безо всякаго въ сущности «театральнаго» конца. Последнее обстоятельство и дало поводъ нѣ-которымъ критикамъ осудить г. Вольфа въ измѣненіи «хро-никерствѣ», хотя всѣ отдали долгъ его наблюдательности и остроумію.

Rasta.

Берлинъ. Въ день Рожденія Государя Императора въ коро-лескомъ здѣшнемъ театрѣ, по личному распоряженію императора Вильгельма, была поставлена пьеса кн. Сумбатова «Старый зикаль». Пьеса эта уже отчасти знакома берлинской публикѣ, когда она давалась въ Belle-Alliance театрѣ. Но казенная по-становка, конечно, превосходитъ частную, да и самый инте-ресъ къ пьесѣ значительно сохранился послѣ того, какъ въ га-зетахъ появилось извѣстіе, что въ настоящемъ представленіи принимаетъ участіе самъ императоръ.

Переводъ пьесы исполненъ безукоризненно состоящимъ при здѣшнемъ посольствѣ камергеромъ А. А. Куманинымъ, а къ условіямъ сцены пьеса принаровлена редакторомъ «Націо-нальной газеты» г. Цабелемъ.

Наконецъ наступилъ день спектакля. Императорская чета удостоила его своимъ посѣщеніемъ, а партеръ и ложи на-полнились самой блестящей, избранной публикой. Чудная декорация, историческая вѣрность въ постановкѣ и костюмной части, превосходная игра актеровъ — все это способствовало успѣху пьесы. Императоръ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ пьесы, а послѣ третьяго дѣйствія, когда по здѣш-нимъ обычаямъ, на сцену явился одинъ изъ театальныхъ представителей благодарить автора и переводчика, Вильгельмъ апплодировалъ вмѣстѣ съ остальной публикой. На другой день послѣдовала официальная благодарность черезъ генерала-интенданта гр. Гохберга. Газетная критика также съ большою похвалой отозвалась о пьесѣ кн. Сумбатова и, быть можетъ, этотъ первый успѣхъ русской пьесы дастъ толчекъ къ даль-нѣйшему движенію въ этомъ направленіи и проведетъ на ка-зенную берлинскую сцену произведенія русской драматургіи.

А. В. З.

Старѣйшимъ въ мірѣ профессоромъ пѣнія является знаме-нитый, покинувшій когда-то обильнѣйшія лавры, пѣвецъ Ма-риуэль Гарчіа, который, несмотря на исполнившіеся ему те-перь 94 года, продолжаетъ заниматься музыкально-педагоги-ческой дѣятельностью. Гарчіа одинъ изъ тѣхъ немногихъ, находящихся еще въ живыхъ музыкантовъ, которые знали лично Бетховена и находились съ нимъ въ тѣсныхъ друже-скихъ сношеніяхъ.

Въ Лондонѣ, въ театрѣ Лицеумъ, предполагаются къ поста-новкѣ: «Горе отъ ума» и «Ревизоръ», причѣмъ всѣ реквизиты и аксессуары дѣлаются по образцамъ нашихъ Императорскихъ театровъ. О постановкѣ драмы гр. А. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго» мы уже сообщали. Директоръ театра, г. Эдвардо, намѣренъ поставить также «Власть тьмы» и «Нахлѣбникъ» Тургенева.

Безсмертная опера Глинки «Жизнь за Царя» въ настоя-щее время пользуется большимъ успѣхомъ въ Мельбурнѣ, въ Австраліи. Постановка произведенія великаго Глинки бо-лѣе чѣмъ курьезна: пѣвцы изображаютъ русскихъ крестьянъ, костюмируются въ сплошныя вѣтринныя шубы. Партии Анто-ниды и Сабинина исполняютъ небезызвѣстные пѣвцы въ Италиі — Кутика.

Въ Парижѣ въ настоящее время выходитъ отдѣльными выпусками «Образовательная бібліотека искусствъ», солидное изданіе, редактируемое авторитетными специалистами, вполне осведомленными каждый въ своей области. Въ одномъ изъ послѣднихъ томиковъ помѣщенъ, между прочимъ, весьма ин-тересный очеркъ русской музыки, а въ частности — русской оперы, слѣланный извѣстнымъ музыкальнымъ критикомъ Але-бертомъ Субизомъ, изучившимъ трактуемый предметъ по оригинальнымъ источникамъ.

Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ на русскомъ языкѣ, разсмотрѣннымъ драматическою цензурою и дозволеннымъ къ представлению въ мартѣ и апрѣлѣ 1898 года.

1) Сочиненія, безусловно дозволенные къ представлению.

А) На русскомъ языкѣ:

13) «Изъ-за благъ земныхъ». Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе А. П. Алмазова. По печатному изданію. Вятка. Скоропечатная типографія Н. Л. Огородникова и К^о. 1897 года.

14) «Любовь поэта» (Платенъ въ Венеціи). Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе А. Корнелиуса. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Н. Клетновой. По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

15) «Мирнымъ путемъ» (Кротостью и лаской) (Miech vaut douceur). Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Э. Пальерона. Переводъ Э. Матерна. По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

16) «Мышенокъ» (La Souris). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Эдуарда Пайлеронъ. Переводъ съ французскаго И. Антоновича. По печатному изданію. Москва. Типографія А. А. Левенсонъ. 1888 года.

17) «Мышенокъ» (La Souris). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Эдуарда Пайлеронъ. Переводъ съ французскаго И. Антоновича. По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

18) «На станціи». Картинка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. (Посвящается А. П. Щепкиной). По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

19) «Образцовая жена». Шутка въ одномъ дѣйствіи. (Сюжетъ заимствованъ). Сочиненіе А. Крюковскаго. По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

20) «Ожерелье Афродиты». Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. П. Буренина. (Сюжетъ и нѣкоторыя сцены взяты изъ одного иностраннаго романа). По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

21) «Платонъ Андреевичъ». Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе А. Съдого. (Ал. П. Чехова). По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

22) «Плюшкинъ въ юбкѣ». Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Н. В. Чиркина. По печатному изданію «Домашній театр», приложение къ журналу «Родина». Графическое заведеніе А. А. Каспари. С.-Петербургъ. 1897 года.

23) «Послѣднее средство». Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе С. Крюковскаго. По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

24) «Прекрасная Галатея». Комическая опера въ одномъ дѣйствіи. Слова Поля Генриона. Музыка Ф. Зуппе. Переводъ съ нѣмецкаго Г. С. Вальяно. По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

25) «Разрушенный домъ». Драматическій очеркъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Виктора Крылова. По литографированному изданію московской театральной библіотеки С. Ѡ. Разсохина. Москва. 1898 года.

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ВОРОНЕЖЪ. О первыхъ спектакляхъ артистовъ московскаго Малаго театра, которые начались у насъ 6 мая, я какъ истый москвичъ, не могу не выразиться нѣсколько восторженно. Г. Правдинъ, Рыбаковъ, Южиянъ, г-жа Лешковская—эти имена слишкомъ много говорятъ моему уму и сердцу.

Для начала шла «Послѣдняя воля». Исполненіе было художественное. Молодые члены труппы сразу обнаружили яркое дарованіе и школу. У г-жи Турчаниновой много живости и неподдѣльнаго комизма, а другая, «ермоловская» роль Поленьки положительно удалась г-жѣ Токаревой, обнаружившей и простоту и задумчивость. Хорошо знакома воронежцамъ комедія смотрѣлась съ новымъ интересомъ.

Второй спектакль «Старый закалъ», поставленный самимъ авторомъ А. И. Южинымъ, заслуженно вызвалъ бурныя руко-

плесканія въ теченіи всѣхъ 5 актовъ, надо правду сказать черезчуръ длинныхъ, но, благодаря картинной постановкѣ, приковавшей вниманіе зрителей. Талантъ Е. К. Лешковской разнообразень, и если ея Вѣра Борисовна произвела, быть можетъ, менѣе цѣльное впечатлѣніе, чѣмъ у Ермоловой, не была такъ глубоко, сначала до конца, прочувствована, но тѣмъ не менѣе она своей искренностью, а главное, воплощенной, женственностью, властно захватила зрителя.

Не стану говорить о высокихъ качествахъ Н. К. Рыбакова, въ роли Олтина, О. А. Правдина—Бриста, и автора пьесы въ роли Бѣлоборскаго—они слишкомъ хорошо извѣстны. Я видѣлъ первое представленіе пьесы въ Москвѣ, но теперь получилось почему-то даже болѣе яркое впечатлѣніе, не смотря на сравнительно скудную обстановку. Немалую пользу, очевидно, приносятъ такія гастролы по провинціальнымъ городамъ молодымъ силамъ труппы, на долю которыхъ хорошія роли въ Москвѣ выпадаютъ очень рѣдко; между тѣмъ г-жи Полярова, Турчанинова, Токарева, г. Рыжовъ, Парамоновъ—все это безспорныя дарованія и выдвигать ихъ теперь же—казалось бы въ выгодахъ самой дирекціи. Впрочемъ, г. Рыжову въ этомъ случаѣ невольно повезло: онъ единственный настоящій любовникъ на малой сценѣ.

Въ «Борцахъ» М. Чайковскаго очень интересно было видѣть г. Правдина въ новой для него роли Дилigentова, котораго удивительно хорошо играетъ М. П. Садовскій. Г. Правдинъ далъ совершенно другой типъ, но какъ живой стоитъ передъ нами этотъ старый обиженный судьбою и озабоченный несчастливецъ, вызывающій то жалость, то прераніе. Нельзя достаточно нахвалиться художественной простотой г. Рыжова въ роли Павленко.

Итакъ, пока все одни хвалебныя гимны. Что дѣлать,—постараюсь найти пробѣлы въ послѣдующихъ пяти спектакляхъ. О ничтожныхъ промахахъ нѣкоторыхъ артистовъ, право нѣтъ цѣли говорить, когда въ общемъ все такъ стройно. Наслаждаясь, я каждый разъ благодарю судьбу, что турне столичныхъ артистовъ, не смотря, на громкіе протесты продолжаютъ освѣжать наше провинціальное болото.

И. Стр—въ.

ТЮМЕНЬ. За послѣднее время у насъ дано нѣсколько благотворительныхъ любительскихъ спектаклей. Ставились слѣдующія пьесы: «Гувернеръ», «На земской нивѣ», «Самородокъ», «Клубъ холостяковъ» и «Дармоѣдка»—послѣдняя, въ пользу пострадавшихъ отъ недорода прошлаго почти при пустомъ зрительномъ залѣ. Желающихъ помочь ближнему было не болѣе бо человекъ.

Исполненіе пьесъ, за исключеніемъ «Гувернера», не можетъ подлежать критической оцѣнкѣ. Халатное отношеніе къ исполняемымъ ролямъ не могло не повліять на посѣтителей театра, которые, обыкновенно, не выслушивали пьесъ до конца... И теперь наши любители снискалы полнѣйшее недобрые тюменцевъ,—что подтверждается отсутствіемъ сборовъ. Изъ всѣхъ любителей, которыхъ у насъ очень много, можно отмѣтить только г. Артынова, осмысленно проводившаго свои роли.

Что касается пьесы «Гувернеръ», то она, благодаря участію извѣстнаго любителя г. Волца—въ заглавной роли, прошла съ полнымъ ансамблемъ. Г. Волца, прекрасно владеющій французскимъ языкомъ, такъ сказать, плѣнилъ публику своей игрой. Ровность въ игрѣ, строгая выдержка во всѣхъ актахъ, хорошая дикція и умѣнье держаться на сценѣ заставляютъ забывать, что г. Волца—любитель, онъ можетъ съ честью соперничать съ любымъ провинціальнымъ артистомъ. Могу замѣтить, что «Гувернеръ» по ансамблю можно считать лучшей пьесой всего зимняго сезона.

Съ 7-го мая у насъ открыла весенній сезонъ труппа т-ва русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ Н. Н. Милославскаго; ставилась пьеса Манько—«Несчастіе Коханя».

Составъ труппы: г-жи Марченко-Шатковская (ing. dram.), Барвинокъ (ing. comiq.), Откаренко (комическая старуха), Донская; Павловская, Оршанова. Г. Милославскій (простакъ и характерныя роли), Стоделя (герой любовникъ), Оршановъ (любовникъ и характерныя роли), Волявскій (резонеръ), Царенко (комикъ резонеръ), Павловскій (второй любовникъ), Коношенко и Залимовскій на вторыя роли. Хоръ слабоватъ,—отсутствіе сильныхъ голосовъ.

Г. Н. Казаевскій.

САРАТОВЪ. Лѣтній театральный сезонъ у насъ почти одновременно открылся въ двухъ театрахъ: въ Очтинскомъ—водворились малоросы гг. Сулова и Суходольскаго, начавшіе свои спектакли съ 26 апрѣля; народный театръ открылъ двери 1 мая, причемъ спектакли даются 2 раза въ недѣлю. Возвращаясь къ «хохламъ» нужно сказать, что еще въ лѣтній сезонъ 1896 г. эта труппа играла у насъ съ завиднымъ успѣхомъ. Труппа нѣсколько обновлена: кромѣ старыхъ знакомыхъ г-жъ Зарицкой, Чарновской, гг. Сулова, Суходольскаго, Шатковскаго и др. есть свѣжія сила: талантливая старуха г-жа Зыгиревичъ-Карпинская (изъ труппы Садовскаго) и молодой, недурной теноръ г. Внуковскій. Сборы еще не установились.

Народный театръ въ саду Серье открылъ спектакли въ слѣдующемъ составѣ: Е. Т. Шебуева, М. Т. Ромаскевичъ (ing.),

М. И. Кирилова (старуха), гг. Борецкий (др. любовникъ, фатъ, герой), Л. Г. Баскаковъ (комикъ), И. Н. Романовскій (простакъ) и В. А. Марковскій (резонеръ и режиссеръ). Въ числѣ любителей нельзя не упомянуть гг. Брониславскаго, Волгина и др. Для начала поставили «Ревизора», который сыгранъ въ общемъ весьма удовлетворительно. Вторая пьеса, 3 мая, «Гдѣ любовь, тамъ и напастъ» Шпажинскаго—разыграна также недурно. Къ сожалѣнію, эта пьеса едва ли пригодна для образцоваго народнаго репертуара. 6 мая поставили «Доходное мѣсто», въ которомъ выдѣлился, въ роли Жадова, г. Борецкій. Последній, судя по двумъ ролямъ (Хлестакова и Жадова) опытный артистъ, способный нести серьезный репертуаръ.

Ии — то.

НАЗАНЬ. Товарищество М. М. Бородая. Съ Пасхи за мѣсяцъ взято валового сбора 12 тысячъ. Сыграно 26 спектаклей. Товарищество получило по 56 коп. за рубль. Наибольшій успѣхъ имѣлъ В. П. Далматовъ.

ОДЕССА. Городской театрѣ. Антреприза Н. Н. Соловцова. Взято валового сбора 25 тысячъ. Репертуаръ: апрѣль 7 — «Цѣна жизни». 8 — «Джентельменъ». 9 — «Графъ де-Ривооръ». 10 — «Два подростка». 12 — утромъ — «Доходное мѣсто», вечеромъ — «Отравленная совѣсть» и «Дорогой поцѣлуй». 13 — «Джентельменъ». 14 — «Эрнани» и «Роковой дебютъ». 15 — «Два подростка». 16 — «Пашенька» и «Роковой дебютъ». 17 — «М. Sans-Gene». 19 — утр. — «Ревизоръ», веч. «Графъ де-Ривооръ». 20 — «Невольница» (Балуцкаго) и «Приличіе». 21 — «Защитникъ» и «Дорогой поцѣлуй». 22 — «Свадьба Кречинскаго» и «Приличіе». 23 — «Джентельменъ». 24 — «Два подростка». 26 — «Полусвѣтъ». 27 — Спектакль вѣнской оперетты Лужра. «Прекрасная Елена». 28 — «Коварство» и «Любовь». 29 — «Защитникъ» и «Роковой дебютъ». 30 — «Адриенна Лекуверреръ май 1 — «Защитникъ» и «Роковой дебютъ». 3 — утр. «Эрнани», веч. «Ивановъ». 4 — «М. Sans-Gene» и «Дорогой поцѣлуй». 5 — «Пашенька» и «Роковой дебютъ». 6 — «Чужіе» (бенефисъ Соловцова) и 7 — для закрытія спектаклей «Ревизоръ».

Осенній сезонъ начнется 20 августа. Для открытія поставлена будетъ «Свадьба Кречинскаго», 21 — «Отжитое время» для дебюта В. О. Степанова въ роли Муромскаго. Труппа пробудетъ до 30 сентября. Съ 1-го октября до Великаго поста Н. Н. Соловцовъ съ своей труппой будетъ играть въ новомъ кievскомъ театрѣ, послѣ въ старомъ театрѣ, а весенній сезонъ — съ Пасхи по 25 мая — въ Одессѣ.

КИЕВЪ. Зимой въ старомъ театрѣ будутъ играть: сентябрь и октябрь — харьковская русская опера г. Церетелли, а съ 1-го ноября по Великій постъ — малороссійская труппа гг. Садовскаго и Саксаганскаго.

ХАРЬКОВЪ. Въ составъ оперной труппы князя Церетелли приглашенъ новый русскій теноръ г. Калмицъ-Соловьевъ, пѣвшій послѣднее время въ Женевѣ.

ТАМБОВЪ. Дѣла Товарищества М. М. Бородая начались крайне неудачно: первый сборъ 40 руб., второй — 30 руб.

КОВНО. Дѣла опереточной труппы г. Молдавцева идутъ блестяще. Первые три спектакля дали переполненные сборы. Громадный успѣхъ выпалъ на долю артиста Императорскихъ театровъ Л. М. Клементьева, выступившаго въ партіи Баринка «Цыганскій баронъ». Очень правятся публикѣ гг. Стрѣльскій, Розентъ и г-жи Алмазова и Терраччано. Изъ Ковно труппа переѣдетъ въ Минскъ.

ПЕРМЬ. Антреприза О. В. Строгановой прашлась по вкусу мѣстной публикѣ. Сборы на кругъ по 400 рублей. Наибольшимъ успѣхомъ пользуются: г-жи Шателенъ, Строганова, Писарева, Бауэръ; гг. Звѣздичъ, Дара-Владимировъ и Зубовъ.

ПЕРМЬ. 6 мая въ городскомъ театрѣ шла 1-я часть трилогии графа Алексѣя Толстого «Смерть Иоанна Грознаго». На постановку этого произведенія г-жею Строгановой было получено специальное разрѣшеніе. Въ роли Грознаго выступилъ А. М. Звѣздичъ.

ИРАСНОЯРСКЪ. 23 апрѣля начались гастроли трагиковъ братьевъ Адельгеймъ. Сибирскія газеты посвящаютъ ихъ игрѣ большія статьи. Репертуаръ ихъ: «Уриэль Акоста», «Король Лиръ» и «Эдипъ Царь» — Софокла въ переводѣ Д. С. Мережковскаго. Послѣдняя пьеса и была ихъ послѣдней гастролью. Публика, во главѣ съ начальникомъ губерніи генералъ-маіоромъ А. А. Ломачевскимъ, поднесла артистамъ адресъ, покрытый множествомъ подписей и нѣсколько цѣнныхъ подарковъ.

РОСТОВЪ НА ДОНУ. Лѣтній сезонъ въ театрѣ В. Н. Викторова открылся 3 мая «Ревизоромъ», въ которомъ участвовалъ, за исключеніемъ г. Павловскаго, весь мужской персональ труппы, а изъ женскаго — г-жи Лаврецкая, Курганова, Разсказова, Борисова и Марусина. Игра артистовъ въ общемъ шла довольно старательно, хотя особенной яркостью или типичностью не отличалась. Неприятное впечатлѣніе произвело плохое знаніе роли, которое обнаружилъ г. Владимовъ (Хлестаковъ), изъяснявшійся зачастую «своими словами». Гоголь заслуживалъ бы большаго уваженія къ себѣ. Публика на открытіе собралась довольно много, и приемъ исполнителямъ былъ устроенъ радушный.

ОРЕЛЬ. Въ настоящее время производится ремонтъ городского театра. Главнымъ образомъ ремонтируется сцена; всѣ декорации будутъ написаны вновь любителемъ-декораторомъ Д. П. Лаузинымъ; уборная артистовъ вновь оклеивается обоями; стѣны театра окрашиваются масляной краской, словомъ, театръ обѣщаетъ принять вполне приличный видъ. Принимаются также мѣры противъ господствующаго обыкновенно въ нашемъ театрѣ холода.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимоеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ и садъ В. А. НЕМЕТТИ.

39, Офицерская 39.

Дирекція В. А. ЛИНСКОЙ-НЕМЕТТИ.

10-й СЕЗОНЪ.

Ежедневныя представленія: оперетта, балетъ и дивертисментъ.

Въ Воскресенье, 17-го Мая 1896 г.

„Прекрасная Елена“,

оперета въ 3 д., музыка Оффенбаха.

Въ Понедѣльникъ, 18 Мая

№ 169 (1—1).

НАТУРЩИЦА (Das Model),

Опера въ 3 дѣйствіяхъ, музыка Франца Зюше.

Балетъ подъ управленіемъ балетмейстера Ф. Савицкаго. Мужской и женскій хоръ состоитъ изъ 100 человекъ.

Участвуютъ: А. А. Смолина, А. А. Добротини, І. Д. Рутновскій, А. С. Полонскій, А. Б. Вилинскій и др.

Нач. муз. въ саду въ 7 час. Нач. спектакля въ 8 1/2 час.

Цѣна за входъ въ садъ 40 к. Абоцементныя книжки въ 20 билетовъ 5 р., 10 билетовъ 2 р. 50 к. Взявшіе билетъ на мѣсто чередъ лѣтней сценой за входъ въ садъ ничего не платятъ. Ковтромарки при выходѣ изъ сада не выдаются.

Касса открыта ежедневно съ 11 часовъ утра.

В. А. Линская-Неметти.

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ

(PATRIE!)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. Ф. Арбенина (Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію)

Иллюстрированное издавіе журнала

„Театръ и Искусство“,

съ портретами исполнителей и рисунками съ декораций при постановкѣ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, СПб. Мохова, 45.

Депю косметическихъ произведеній

Брокара, Ралле, Бодло и друг. алѣшнихъ и загравичныхъ фабрикъ; также аптекарскіе, косметическіе, резиновые, перевозочные и хозяйственныя предметы. Спб. Николаевская ул., № 73.

№ 163 1—1).

Театръ и Садъ „АРКАДІЯ“.

Закрытый театр — Русская опера.

Въ Воскресенье 17-го Мая „Демонъ“.

Говарищество оперн. артист. подъ упр. М. К. Максакова.

Въ Понедѣльникъ 18-го Мая „НИКОВАЯ ДАМА“; во Вторникъ 19-го Мая „ПЯЦЫ“ и „ТРАВИАТА“; въ Среду 20-го Мая „МАЗЕПА“; въ Четвергъ 21-го Мая „ФАУСТЪ“; въ Пятницу 22-го Мая „НИКОВАЯ ДАМА“; въ Субботу 23-го Мая „МАЗЕПА“.

Капельмейстеръ Е. Д. Эспозито; Гл. Режиссеръ Я. В. Гельротъ.

Начало ровно въ 8½ часовъ вечера. Взятіе билетовъ въ театръ за входъ въ садъ не платятъ. Билеты продаются въ двѣточномъ магазинѣ Фрейндлихъ, Невскій, 34, до 5 час. вечера.

№ 170 (1—1)

КРЕСТОВСКІЙ САДЪ и ТЕАТРЪ

Ежедневно съ участіемъ артистовъ въ конкуренціи.

М-ше ЛАРИВЪ.
М-ше А. РАМОСЬ.
М-ше ХОЛЬДА.
М-ше ФАЖЕТЪ.
М-ше А. МОРАВЪ.

М-ше А. КЛЕРЪ.
М-ше ДАРКЛЕ.
М-ше Г. ДОННО.
М-ше ЭЛЬВАНЪ,
М-ше ЛОРИТА.

М-ше СИЛЛА.
М-ше МИРТИЛЬ.
М-ше ДОРАНЖЪ.
М-ше ЛОРЕНЦО.
М-ше КЛЕНЕ.

М-ше La Belle
Cent. Kilos
М-ше ГРАЗИЕЛЛА
Сестры Генглерсъ.
Бр. ДЕЛЬВИЛЬ.

Въ саду на от-
крытой сценѣ и
верандѣ.

Румынскій хоръ
НИКОЛАЯ МАТАКИ.
Вѣцскій оркестръ
М. ФИШЕРА.
изв. муз. клоуны
НЕМРИСЪ.
Рус. хоръ Ивановой.
Венг. хоръ Каллай.

Труппа Рейтера.
Труппа Лобскаго.
Труппа Барановской.
Гармон. г. Голицынъ.
Купл. г. Шатовъ.
Пыгалскій хоръ
М. А. ШИШКИНА.

Драматическая труппа подъ управленіемъ г. КОВАЛЕНКО. Ежедневно одноактные пьесы и оперетки. № 165 (1—2)

ЛОКОНИНЪ

ДЛЯ ЗАВИВКИ ВОЛОСЪ И
ФРИЗЕТОКЪ
безъ щипцовъ
продается вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ С.-Пе-
тербургъ, Михайловская площ. № 2.

Театръ и Садъ П. В. Тумпакова

(Фонтанка, у Измайловскаго моста, д. № 116).—Телефонъ № 167.

Спектакль и дивертисментъ.

Въ Воскресенье 17 Мая представлено будетъ

ВЪ СВѢТѢ ЗЛОДѢЯ.

Въ Понедѣльникъ 18 Мая представлено будетъ

І. СГОРЯЧА.

Оригинальный фарсъ въ 3 дѣйствіяхъ, Н. И. Мясницкаго.

П. НЮБЕЯ.

Во вторникъ, 19-го мая, „Злая Яма“ комедія.

Водевиль въ 1 дѣйствіи, М. В. Шевлякова. сюжетъ заимствованъ изъ англійскаго фарса.

Оркестръ военной музыки Л.-Гв. Измайловскаго полка, состоящій изъ 40 чело-
вѣкъ подъ управленіемъ капельмейстера Г-на Штейнсъ.

По окончаніи дивертисмента (на верандѣ буфета) оркестръ бальной музыки
подъ управленіемъ капельмейстера Г. Гибнера.

Цѣна за входъ въ садъ 32 коп. (съ благотворительнымъ сборомъ). Абонементная
квѣжка въ 15 билетовъ 3 р. 30 к. Начало музыки въ 7 ч. веч., въ воскрес-
ные и праздничные дни въ 6 час., по субботамъ и капунамъ двадцатыхъ
праздниковъ въ 8 ч. веч. Режиссеръ Я. В. Самаринъ. Дирекція П. В. Тумпановъ.

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ ДЛЯ ВОЛОСЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратитъ вниманіе на
подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской
косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для
всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская, пл., № 2.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

газеты „НОВОСТИ“.

(Б. Морская, 17).

Поступила въ продажу новая квіга

= 50 Миниатюръ. =

Стихотворенія въ прозѣ.

Б. И. БЕНТОВИНА.

Изящное изданіе со многими рисунками
и виньетками. Цѣна 65 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Изнѣжность и Свѣжесть лица

Пуховка - Юности

КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ
Замѣняетъ лучшую пудру, пуховку, пудрену и зеркало

Привилегія № 310.

№ 160 (г.)

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искус-
ство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“
В. Авсѣенко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“
А. Будищева и Л. Федорова. Ц. 1 р.
50 к., „Накапунтъ“ А. Плещеева. Ц. 60 к.,
„Нѣтъ худа безъ добра“ Пальеропа.
Ц. 50 к., „Влюбленная“ др. Марко-Прага.
Ц. 1 р. 50 к., „Ночью“ шутка Нембро-
дова Ц. 50 к., „Мошникъ“, шутка въ 1 д.
Б. Бентовина. Ц. 50 к., „Вѣра Иртопова“.
др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой. Ц. 1 р. 50 к.,
„Якорь спасенія“ (Ma cousine) Ц. 1 р. 50 к.,
„Трудовой день“ ком. въ 1 д. Ц. 60 к.,
„Облачко“. Ц. 60 к., „Между дѣломъ“
др. въ 2 д. Роветта. Ц. 1 р. „Волшеб-
ная сказка“ Ц. 2 р., „Маріанна Ведель“
Ц. 1 р. 50 к., „Золотая Ева“. Ц. 1 р.
50 к.

Выписывающіе изъ конторы за пере-
сылку ничего не платятъ. При выпискѣ
нѣтъ пьесъ дѣлается уступка въ 30%.